

dh

«ЦИФРОВАЯ ИСТОРИЯ»
ВОЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСАНДР ЗДАНОВИЧ

ПОЛЬСКИЙ КРЕСТ СОВЕТСКОЙ КОНТРАРАЗВЕДКИ

ИЗДАНИЕ 2-Е, ДОПОЛНЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

Цифровая история. Военная библиотека

Александр Зданович

**Польский крест
советской контрразведки**

«Яуза»

2019

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

Зданович А. А.

Польский крест советской контрразведки / А. А. Зданович —
«Яуза», 2019 — (Цифровая история. Военная библиотека)

ISBN 9 978-5-00155-114-0

С момента провозглашения в 1918 г. независимой Польши ее руководство взяло курс на конфронтацию с Советской Россией и в этом противостоянии использовались не только военные силы, но и спецслужбы. Уже в 1918 г. Польский совет Междупартийного объединения вошел в тесный контакт с Французской военной миссией, при посредничестве которой в Сибирь была направлена группа польских офицеров, чьей задачей было формирование польских частей из пленных поляков и участие этих частей в свержении советской власти, а с началом Советско-польской войны на территории Украины и России активизировались ячейки Польской организации войсковой. И после окончания Советско-польской войны тайная война не закончилась – 2-й Отдел Генерального штаба Войска Польского активно помогал различным антисоветским организациям и засылал свою агентуру на территорию СССР. Предлагаемая книга Александра Здановича, одного из ведущих историков отечественных спецслужб, подробно, на основе ранее неизвестных документов рассказывает о противостоянии советских и польских спецслужб в период с 1918 по 1939 гг., а также освещает роль советских органов госбезопасности в создании в 1942–1944 гг. в СССР Войска Польского.

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

ISBN 9 978-5-00155-114-0

© Зданович А. А., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

Предисловие	6
Предыстория противостояния	10
Чекистские операции по польской линии в 1918 году	20
Борьба спецслужб в условиях советско-польской войны	35
1. Оперативная обстановка на границе Польши и советских республик	35
2. Польская разведка и ее агентурная сеть на восточном направлении	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Зданович

Польский крест советской контрразведки

Предисловие

В истории российско-польских отношений особое место займут события 2010 г., прежде всего трагическая гибель в авиакатастрофе под Смоленском президента Республики Польша Л. Качиньского и других высокопоставленных государственных чиновников и военных. Произошедшее было воспринято с состраданием российскими гражданами. В заявлениях высших должностных лиц нашей страны звучала решимость довести до конца расследование факта крушения авиалайнера и передать польским властям всю собранную международным авиационным комитетом и прокуратурой информацию.

Упомянув о трагедии, президент России и глава правительства каждый раз выражали надежду на укрепление межгосударственных отношений, большее взаимопонимание и адекватность восприятия позиции нашей страны в международных и внутривнутриполитических вопросах, отделение (насколько это возможно) исторических напластований от текущих и перспективных проблем. Высказывалось пожелание не руководствоваться при принятии отдельных решений так называемым в политической риторике «катынским синдромом», рассматривать события 70-летней давности как трагедию и поляков, и советских людей.

Буквально через несколько месяцев после авиакатастрофы президент России Д. Медведев в знак доброй воли передал почти половину томов (67) расследуемого прокуратурой уголовного дела по Катыни польской стороне. Затем последовала новая акция. Уже более 120 томов дела перешли в распоряжение польских властей. И, как говорилось, это был не последний транш. В срочном порядке прокуратурой и некоторыми другими правоохранительными структурами решались вопросы рассекречивания документов, собранных в рамках катынского уголовного дела. Кстати говоря, такого подарка (я имею в виду также и сам факт передачи дел) отечественные историки не получили, что подтвердил мне в разговоре, состоявшемся на слушаниях в Общественной палате при президенте России, руководитель архивной службы страны А.Н. Артизов. Кто-то бездумно, как бывало не раз, выполнил указание высшего руководства страны, позабыв, а скорее всего, вообще не зная, о том, что и российские историки не менее своих польских коллег заинтересованы в объективном исследовании случившегося в 1940 г. в Катыни. К сожалению, не услышал я голоса протеста против действий бюрократов-манкуртов со стороны исторических институтов Академии наук, конкретных историков-полонистов. Фрагмент моего выступления в Общественной палате 20 октября 2010 г. с указанием на приведенный выше факт явного ущемления прав моих соотечественников, профессионально занимающихся историей, не появился на сайте палаты, хотя организаторами слушаний это было обещано.

В русле попыток укрепить взаимопонимание с российской стороны можно рассматривать и выход в свет в 2010 г. объемного сборника статей ученых двух стран, название которого говорит само за себя: «Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений»¹.

В краткой аннотации к книге указано, что опубликованные статьи позволяют «сопоставить взгляды российских и польских исследователей по наиболее важным проблемам двусторонних отношений, начиная с 1917 г. до сегодняшних дней». Хотелось бы обратить внимание

¹ Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений. Российско-польская группа по сложным вопросам. М., 2010.

читателей на то, что абсолютно точно использовано слово «сопоставить». То есть речь не шла о близости позиций или даже о некоем сближении их.

А ведь сборник подписан к печати в сентябре 2010 г., то есть спустя почти полгода после появления признаков улучшения отношений между нашими странами. Я не ратую за обязательный учет политической конъюнктуры при отборе и редактировании статей. Отнюдь. Вызывает уважение позиция, высказанная сопредседателями российско-польской группы по сложным вопросам академиком А. Торкуновым и профессором А.Д. Ротфельдом. Они отметили, что первые варианты текстов авторы представили еще в 2009 г. Но «весна 2010 г. (имеется в виду авиакатастрофа под Смоленском и последовавшие за ней события. – А. З.) дала нам шанс. Воспользоваться им можно только через системное движение навстречу друг к другу»².

Выделим последнюю фразу общего текста сопредседателей. С ней нельзя не согласиться. Однако далеко не во всех статьях сборника просматривается заявленный подход. Подчеркну: «черные пятна» в истории двусторонних отношений остаются, а иногда и разрастаются благодаря «зашоренности» отдельных историков как среди польских исследователей, так и отдельных российских. Причем, и это отчетливо прослеживается в текстах, если наши соотечественники пытаются быть «объективистами», то есть показать недружественные действия с обеих сторон, то их коллеги (за очень редким исключением) всю вину за негатив в отношениях сторон сваливают только на царскую империю и Советскую Россию, а затем на СССР. Такую одностороннюю позицию ни понять, ни, тем более, принять нельзя. И достойны уважения такие российские ученые, как Г.Ф. Матвеев, А.Ф. Носкова и некоторые другие, с которыми мне приходилось сталкиваться и обсуждать ряд вопросов. Именно они отстаивали и продолжают отстаивать свои позиции, не поддаются давлению политической конъюнктуры и соблазну получить грантовую поддержку польской стороны.

Последнее – не моя идеологическая придумка, а абсолютно ясный денежный вопрос, который для патриотически настроенных исследователей ой, как трудно разрешим при подготовке и издании своих книг. К сожалению, у нас в стране нет таких структур, как, к примеру, Институт национальной памяти в Польше, заинтересованных в расширении исторических исследований и материально их поддерживающих. Лишь совсем недавно создан фонд, призванный финансово обеспечить работу российских историков. О чем можно говорить, если, насколько мне известно, Институт славяноведения Академии наук РФ и его польское подразделение в частности, призванное изучать прошлое двусторонних отношений и развивать российский взгляд на историю Польши, находится в плачевном состоянии и держится в основном на энтузиазме нескольких сотрудников. Если и дальше развитие полонистики пойдет по пути ожидания грантов от заинтересованных политико-исторических и, не побоюсь этого определения, националистических центров в Варшаве, то можно не рассчитывать на равноправное сотрудничество. Что-либо подобное упомянутому сборнику статей «Белые пятна...» мы в ближайшее время вряд ли увидим.

Заявление польского президента о длительности и сложности процесса улучшения отношений между нашими странами, сделанное во время визита в Польшу главы нашей страны Д. Медведева в конце 2010 г., не явилось чем-то сверхъестественным. Это показатель отсутствия видимых подвижек в историческом сознании польской элиты, включая и большинство ученых-историков. Я почти уверен в том, что и изучение переданных российской прокуратурой материалов уголовного дела по событиям в Катыни в 1940 г. только «подольет масла в огонь». Буду рад, если ошибусь в своем прогнозе.

А теперь возвращусь к сборнику статей «Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений». Само название настраивало читателей на возможность почерпнуть много новых данных, которые ранее по разным причинам слабо освещались в пуб-

² Там же. С. 14.

ликациях. И надо отдать должное авторам – они действительно впервые привели много интереснейших фактов, а иным, уже вошедшим в научный оборот, дали свежую трактовку. Вместе с тем после прочтения сборника у меня (смею надеяться, что и у многих других людей, интересующихся межгосударственными отношениями Советской России-СССР и Польши) возник серьезный вопрос. Этот вопрос касался борьбы или, как принято говорить теперь, конфликтного взаимодействия спецслужб. Где-где, а в этой сфере разного цвета пятен и лакун ой, как много. Не зная, что делали сотрудники «двуйки» (2-го отдела польского Генерального штаба) и политической полиции Польши, с одной стороны, а органы ВЧК-НКВД (позднее МГБ) – с другой, вряд ли можно объективно разобраться в происходивших событиях, максимально подробно реконструировать историческую действительность. К сожалению, об операциях спецслужб авторами статей говорится крайне мало, если не сказать – вообще ничего. Я не беру сейчас вопрос репрессий. Как раз о них сказано много.

Вызывает удивление и отсутствие упоминаний о публикациях последних лет, посвященных деятельности тайных служб, даже в разделе «Современная историография российско-польских отношений». В отличие от И. Яжборовской (представителя группы отечественных ученых) ее польский коллега М. Корнат хотя бы вспомнил о монографиях известного историка А. Пеплоньского, исследовавшего организационное развитие польских разведки и контрразведки, их деятельность против СССР, а также монографию Х. Чвенка, изучавшего работу советской разведки на границе с Польшей в 1930-е гг.³ В общем, авторы статей сборника превратили спецслужбы в некие «фигуры умолчания». Возможно, они сделали это вполне сознательно, исходя из тезиса о стремлении к согласию, провозглашенного сопредседателями комиссии по сложным вопросам (А. Торкуновым и А. Ротфельдом). Они прекрасно понимали, что, описывая и оценивая акции спецслужб, к согласию прийти достаточно сложно, если вообще возможно.

Вполне вероятно, что и авторы фундаментальной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории», увидевшей свет в 2012 г., также руководствовались указанным выше тезисом⁴.

К сожалению, в нашей стране практически нет изданных в переводе на русский язык монографий и статей о противоборстве польских и советских спецслужб. Думается, что было бы полезным издать монографии профессора А. Пеплоньского и других польских историков, плодотворно работающих над вопросами противоборства разведок и контрразведок двух стран в XX в. Здесь исключение составляет книга А. Мисюка «Спецслужбы Польши против России и Германии», переведенная и изданная моим добрым знакомым и коллегой В.С. Живодеровым⁵. Несколько статей опубликовал в выходящем в Москве альманахе «Лубянка» польский историк К. Край⁶.

Идея написания монографии о борьбе советской контрразведки со спецслужбами Польши возникла у меня, конечно же, ранее появления указанных выше книг и статей. Еще работая над докторской диссертацией, я заострил свое внимание на Польше, поскольку в хронологических рамках моего исследования именно эта страна и ее вооруженные силы являлись потенциальным противником № 1 нашей страны. Что же касается разведки и контрразведки, они были реальными противниками. Бои на тайном фронте не затихали в период 1921–1939 гг. В монографии «Органы государственной безопасности и Красная армия» я тоже уделил много внимания польской линии в работе советской контрразведки⁷. Для реализации идеи пришлось

³ Там же. С. 777, 807.

⁴ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

⁵ Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии. Организационная структура польских спецслужб и их разведывательная и контрразведывательная деятельность в 1918–1939 гг. М., 2010.

⁶ Край К. Противоборство специальных служб Польши и СССР с 1919 до 1939 г. – Лубянка. Вып. № 12.

⁷ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2008.

проделать очень много работы, прежде всего по поиску необходимых материалов. Эти поиски проводились в государственных и ведомственных архивах (ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, РГВИА, ЦА ФСБ России, архивах УФСБ по Саратовской и Омской областям, архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Без помощи моего коллеги начальника УРАФ ФСБ России генерал-лейтенанта В.С. Христофорова, заведующего РГАСПИ А.К. Сорокина, заместителя заведующего РГВА В.А. Коротаяева, заведующей архивохранилищем ГАРФ «Русское зарубежье» Л.И. Петрушевой, архивистов-профессионалов своего дела К.Э. Безродного, Т.М. Голышкиной, К.В. Григорьева, Е.Н. Журавлева, А.Н. Евсеева, Н.А. Иванова, В.Г. Макарова, П.В. Миронова, О.В. Николаевой, С.И. Познахирева, А.И. Шишкина и др. мне не удалось бы не только завершить работу в срок, но и вообще написать эту монографию. Поэтому выражаю им глубокую сердечную признательность и говорю человеческое спасибо.

Много ценных советов я получил от членов «Общества изучения истории отечественных спецслужб» В.С. Измозика, В.А. Лебедева, А.М. Плеханова, В.Н. Хаустова, ныне, к моему глубокому сожалению, покойных В.К. Былинина и И.И. Васильева.

Огромную помощь по переводу на русский язык найденных документов и литературы мне оказала прекрасный знаток польского языка, лингвист и историк Ю.В. Родионова. Особую признательность я выражаю моей супруге – Е.А. Зданович, которая, как историк по образованию, многое сделала для подготовки рукописи к печати и вдохновляла меня на активную работу.

При большом объеме информации за исследуемый период, безусловно, нельзя исключить того, что, возможно, были допущены некоторые неточности в описании событий или написании фамилий (особенно польских). Вполне допускаю, что кому-то могут быть не по душе мои размышления и сделанные выводы. Хочу отметить, что при написании текста я руководствовался принципом объективности и, как я это понимаю, «патриотического реализма». Готов принять обоснованные доводы моих возможных критиков и любые дополнительные материалы. Если этих материалов будет много, то и появится основание для подготовки исправленного и дополненного издания.

Предыстория противостояния

В лице польской спецслужбы отечественные органы госбезопасности столкнулись с серьезной силой, имевшей более продолжительную историю своего существования, чем ВЧК-НКВД. И если отечественные аппараты разведки и контрразведки опирались на идеологический фактор, притягательность идей равенства и справедливости, классовой солидарности, то поляки базировались на националистических настроениях части населения в различных регионах СССР, беря прежде всего в расчет поляков, проживавших в Советском Союзе. Вербовочные устремления сотрудников 2-го отдела Генерального штаба Польши основывались на якобы весьма распространенной в то время ненависти к русским, порожденной политикой царских властей, которую продолжили большевики. Достаточно вспомнить тот факт, что, перейдя в 1920 г. этническую границу Польши, Красная армия столкнулась с мобилизацией сил всего польского общества перед лицом не столько революционной, сколько русской опасности для недавно освободившегося от «русского гнета» молодого государства⁸.

Фактически польские спецслужбы создавали те, кто боролся в подпольных условиях с имперскими властями России и занимался шпионажем против нашей страны еще задолго до начала Первой мировой войны, когда Польши как самостоятельного государства не существовало.

Ни один польский историк, изучающий деятельность Ю. Пилсудского, не оспаривает тот факт, что группа польских националистов, включая и самого Ю. Пилсудского, предложила свои услуги японским разведорганам в 1904 г., сразу после начала русско-японской войны. Из числа авторов, книги которых переведены на русский язык, более детально этот эпизод рассмотрел В. Сулея. В своей монографии «Юзеф Пилсудский» он достаточно подробно описал события из биографии своего героя, относящиеся к 1904–1905 гг.⁹ Много внимания работе группы Пилсудского по подрыву военной безопасности России уделил японский историк И. Чихару¹⁰.

Да он и не мог обойти этот сюжет, поскольку посвятил монографию деятельности своего соотечественника – полковника разведки Мотодзиро Акаси. При написании книги исследователь пользовался разнообразными документами из нескольких японских архивохранилищ и уже опубликованными в Японии статьями. Однако основу монографии составил достаточно объемный доклад самого полковника, написанный сразу после окончания русско-японской войны и предназначенный только для соответствующего отдела Генерального штаба его страны. Написанное И. Чихару нисколько не противоречит тому, что представили своим читателям польские историки. Таким образом, можно говорить о достаточно объективном изложении историками участия поляков в шпионской деятельности японской разведки.

Детально остановился на рассматриваемых событиях и российский историк-полонист, доктор исторических наук, профессор Г.Ф. Матвеев¹¹.

Именно на вышеуказанные источники я и сошлюсь, поскольку они наиболее информативны, объективны и, полагаю, достаточны для раскрытия данного важного эпизода – так называемой операции «Вечер». Вернее, это даже не операция в классическом понимании данного термина. Таким криптонимом были зашифрованы контакты верхушки Польской партии социалистической (ППС) с японскими дипломатами и разведчиками. Итак. Группа польских наци-

⁸ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 243.

⁹ Сулея В. Юзеф Пилсудский. М., 2009. С. 67–77.

¹⁰ Чихару И. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. М., 2013.

¹¹ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.

оналистов-подпольщиков – членов руководства ППС, в составе Ю. Пилсудского (тогдашний псевдоним «Мечислав»), В. Йодко-Наркевича и А. Малиновского (возможно, и еще некоторых подпольщиков), оценив начало русско-японской войны как возможность поучаствовать в развале Российской империи, решила вступить в контакт с японской разведкой и предложить ей свои услуги в разведывательно-подрывной деятельности. Одна из целей сотрудничества выдвигалась в возможности пополнить партийную кассу. Первые контакты с японскими дипломатами состоялись в Вене, затем в Париже и, наконец, в Лондоне. В ходе переговоров с сотрудниками японского посольства выяснилось, что бюджет МИД не позволяет производить траты на мероприятия, которые предложили представители ППС, и следовало запрашивать денежные средства у военного ведомства. В результате лондонских переговоров в середине мая 1904 г. было решено направить неких доверенных лиц в Токио для обсуждения всех важных вопросов с высокопоставленными офицерами Генерального штаба японской армии¹². В конце июня 1904 г. Пилсудский прибыл в столицу воюющего с его страной государства. Сам «товарищ Мечислав» и его ближайшие соратники фактически стали изменниками Родины, поскольку формально являлись подданными Российской империи.

Шпионы-«инициативники» предложили конкретный план своей будущей деятельности, разработанный якобы Разведывательным бюро ППС, хотя в исторической литературе об этом органе никаких сведений нет. Очевидно, Пилсудский просто пытался произвести на японцев более серьезное впечатление, говоря о существовании специализированного подразделения в партийной структуре, которое и будет выполнять задания японского Генштаба. Суммируя сведения разных авторов, можно уверенно говорить о том, что предложенный Пилсудским план состоял из следующих пунктов:

1) сбор разведывательной информации о российской армии: ее численности, вооружении, передислокации и т. д.;

2) проведение акций саботажа и диверсий в тылу российских войск, включая и взрывы мостов на Транссибирской магистрали;

3) издание воззвания к солдатам-полякам, находившимся в русской армии, с призывом добровольно сдаваться в плен, при этом японцам предлагалось сформировать отдельный легион из военнопленных данной категории для участия в боевых действиях;

4) поднять вооруженное восстание на территории Королевства Польского и тем самым отвлечь определенные контингенты русской армии от фронта;

5) организовать срыв мобилизации в этнически польских районах империи¹³.

Надо признать, что если бы этот план удалось полностью реализовать, то наших воинов погибло бы значительно больше, чем произошло в реальности. Правда, от формирования польского легиона японцы по политическим соображениям отказались сразу. Да и запрошенные Пилсудским деньги оказались японским военным превосходящими разумные пределы. Главное, чем заинтересовались японцы, – это диверсии на Транссибирской магистрали. На это реальное дело финансовые средства и были выделены.

Здесь следует отметить, что не только группа Пилсудского рассчитывала заработать на разведывательно-подрывной деятельности. Чуть раньше Пилсудского в Токио прибыл и глава Лиги народовой Р. Дмовский. 20 июля 1904 г. он направил в МИД Японии свой меморандум с предложениями, во многом совпадавшими с планом Пилсудского. Лишь организацию вооруженного восстания автор меморандума признавал преждевременной¹⁴.

Кроме плана разведывательно-подрывных акций, Пилсудский передал японским военным некий аналитический документ под названием «Слабые стороны России», в котором обос-

¹² Сулея В. Указ. соч. С. 67.

¹³ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 75; Сулея В. Указ. соч. С. 74.

¹⁴ Чихару И. Указ. соч. С. 56.

новывал особую роль Польши в борьбе с Российской империей, значительно большую, чем финнов или кавказских народов. «Товарищ Мечислав» считал нужным сделать все возможное для расчленения России, и возглавить эту работу, по его мнению, могли только поляки¹⁵. Внешне соглашаясь с утверждениями Пилсудского, японцы не видели в нем самом достаточно весомую фигуру и скептически оценили его далеко идущие планы. Достаточно сказать о том, что он не был принят ни одним высокопоставленным чиновником МИД, а в Генеральном штабе разговоры велись на уровне начальника одного из отделов. Однако деньги японцы все же дали, но только на разведывательную работу и проведение диверсий на Транссибирской магистрали.

Своих диверсантов у Р. Дмовского не нашлось, а вот Пилсудский выделил двух молодых подпольщиков, которые и прошли специальную подготовку в Японии. Однако в Сибирь они так и не поехали. Выяснилось, что царские военные власти самым серьезным образом усилили охрану железной дороги, особенно мостов через сибирские реки¹⁶.

На полученные от японцев деньги Пилсудский и его соратники закупили и доставили в Варшаву более 60 пистолетов и револьверов, вооружили ими боевиков и определили их задачи на 13 ноября 1904 г. Именно на этот день была назначена демонстрация против мобилизации. Члены варшавской организации ППС осуществили заранее спланированную провокацию – подняли знамя с надписью «Долой войну и царизм!», а затем обстреляли полицейских, пытавшихся отобрать знамя и антиправительственные плакаты. Стычки с применением оружия продолжились и в других районах города. В итоге около 10 человек были убиты, несколько десятков ранены. Более 600 демонстрантов полиция арестовала. Нельзя не согласиться с утверждением профессора Г.Ф. Матвеева о том, что описанная акция являлась частью плана операции «Вечер» и была осуществлена на японские деньги¹⁷.

В 1905 г. Пилсудский создает в рамках ППС боевой отдел, деятельность которого была засекречена от рядовых партийцев. Однако в связи с нанесенными царской политической полицией ударами по различным организациям ППС боевики не смогли сделать что-либо существенное в плане противодействия властям. Но японские деньги продолжали работать. На них дополнительно закупалось оружие, проводились тренировки боевиков в специально созданных школах. В боевой организации Пилсудский видел инструмент, с помощью которого можно было не только вести борьбу за независимость Польши путем вооруженных восстаний, но и удерживать руководство ППС в своих руках.

Однако революционная волна явно пошла на спад, и решительные действия пришлось отложить. Русско-японская война закончилась, и поддержки из Токио (в том числе и финансовой) ждать уже не приходилось. Но опыт деятельности в качестве наемной разведывательно-подрывной силы, работающей на военного врага России, Пилсудским и его ближайшими соратниками был получен и хорошо усвоен. Вопрос состоял только в одном – на какую внешнюю силу можно будет опираться дальше? Как пишет профессор Г.Ф. Матвеев, уже к концу сентября 1906 г. пилсудчики точно просчитали, что Австро-Венгрия и Германия могут через несколько лет вступить в военный конфликт с Российской империей. А до этого времени указанным странам, их генеральным штабам потребуется максимально возможно полная информация о состоянии русской армии, новых образцах оружия и боевой техники, морально-политическом состоянии личного состава. Поэтому были предприняты первые попытки установить контакт с австро-венгерским Генеральным штабом. В этом лично участвовали Пилсудский и Йодко-Наркевич. Вот, что об этом эпизоде пишет бывший начальник разведслужбы австро-венгерской армии М. Ронге: «Пренебрежение разведкой против России казалось не

¹⁵ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 83.

¹⁶ Чихару И. Указ. соч. С. 54.

¹⁷ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 91.

опасным, так как в 1906 г. открылись первые перспективы снова быстро возродить агентуру в случае конфликта. Доктор Витольд Йодко и Иосиф Пилсудский от имени Польской социалистической партии предложили штабу военного командования в Перемышле в качестве эквивалента за поддержку их стремлений использовать свою разведку»¹⁸.

В Перемышле они встретились с начальником штаба 10-го корпуса полковником Ф. Каником и попытались заинтересовать австрийского военного своими возможностями. Во-первых, они заявили, что выступают от имени серьезной политической партии, в рядах которой насчитывается до 70 тыс. боевиков¹⁹. Но это, как говорится, припасается на период начала боевых операций. А вот разведывательную работу полковнику предлагалось развернуть теперь же. В обмен за свои услуги Пилсудский просил оказывать содействие в закупке, транспортировке и складировании оружия, а также гарантии для членов подпольной боевой организации ППС. Ф. Каник уже готов был к сотрудничеству, однако высшее командование посчитало контакты с революционерами несвоевременными, и разговоры с начальником штаба корпуса остались лишь разговорами. Никакой договоренности тогда достигнуть якобы не удалось²⁰.

И, тем не менее, Пилсудский не отказался от ориентации на австро-венгерские военные круги. В 1912 г. он становится главным комендантом Союза активной борьбы, которому подчинялись все ранее организованные польские стрелковые общества и союзы, готовившие кадры боевиков ППС. Деятельность подобных структур, находившихся в пределах Австро-Венгрии, не нарушала законы Габсбургской империи, и военные власти страны использовали их связи на российской стороне для сбора разведывательной информации. На основе собранных сведений Пилсудский лично подготовил и издал под псевдонимом З. Мечиславский (скорее всего на австрийские деньги) «Военную географию Королевства Польского» с выводами относительно возможных действий русского командования в начальный период войны и роли польских повстанческих отрядов в противодействии частям царской армии²¹. Таким образом, можно говорить о том, что Пилсудский и его окружение воспринимались командованием австро-венгерской армии как некий стратегический запас, который можно постепенно использовать в плане усиления разведывательной работы в России, не затрачивая при этом больших финансовых средств.

Как известно, одним из наиболее активных и важных агентов русской военной разведки был начальник разведывательной группы Учетного отдела Генерального штаба австро-венгерской армии А. Редль. Однако о контактах с пилсудчиками он не сообщил. По крайней мере, каких-либо документов на сей счет в Российском государственном военно-историческом архиве мне найти не удалось. Поиск в материалах Департамента полиции МВД России, сохранившихся в ГАРФе, также не дал результатов. Ничего по этому вопросу не написал в своей книге и тогдашний руководитель разведки и контрразведки Варшавского военного округа Генерального штаба генерал-майор Н.С. Батюшин, хотя деятельность спецслужб соседнего государства была непосредственным предметом его внимания в течение почти 10 лет²².

В рамках изучения нашей темы выглядят странными некоторые утверждения уважаемого генерала спецслужб. Он, в частности, упомянул следующий эпизод: из штаба Киевского ВО поступила информация о том, что поляки-сепаратисты «поднимут у нас в Замостском районе восстание в случае объявления нам войны Австро-Венгрией»²³. Н. Батюшин с иронией отмечает, что при проверке конкретных лиц, указанных в материалах разведывательного отдела

¹⁸ Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М., 2000. С.16.

¹⁹ Там же. С. 107.

²⁰ Сулея В. Указ. соч. С. 96.

²¹ Там же. С. 115.

²² Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002.

²³ Там же. С. 80.

штаба Киевского ВО, они оказались давно умершими участниками восстания 1863 г. Выходит, разведчики из штаба Варшавского ВО своим коллегам не поверили, должным образом не оценили реальную угрозу и не задалась изучением в более широком плане вопроса о вполне допустимых контактах польских социалистов с разведкой вероятного противника. Конечно же, написанное Н. Батюшиным отражает только его личное видение проблемы и, возможно, нежелание признать собственные ошибки. Более того, утверждения генерала могут свидетельствовать о недостаточной информированности окружного аппарата разведки и контрразведки. Поэтому я не ставлю под сомнение сведения других источников о ситуации в самом западном военном округе Российской империи в период, предшествовавший началу войны.

Казалось бы, российские власти уделяли особое внимание революционному подполью в Польше и вполне вероятным его контактам с некими заграничными центрами. Об этом свидетельствует тот факт, что первые отделения по охране общественной безопасности (охранные отделения) были учреждены лишь в наиболее значимых городах: в Санкт-Петербурге (как столице империи), в Москве и Варшаве. Однако в начале века основательно окрепло националистическое движение и резко возросла его террористическая активность, в связи с этим деятельности революционного подполья уделялось, на мой взгляд, недостаточно внимания. Вот пример, подтверждающий мое предположение. В своих мемуарах тогдашний командир Отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел, курировавший с 1913 г. политическую полицию, В.Ф. Джунковский так описал свое единственное на этом посту посещение Варшавы: «В Варшаве я **пробыл один день**, прямо с вокзала проехал в собор, затем сделал необходимые визиты и **успел ознакомиться с работой в охранном отделении, губернском жандармском управлении** (выделено мною. – А.З.), съездить по приглашению представителей города осмотреть водопроводные сооружения, осмотрел крепостную жандармскую команду и затем вызвал по тревоге жандармский дивизион на Мокотовском поле, произвел ему смотр в конном строю»²⁴. Ну как Вам, читатель, такая повестка дня главы политического розыска?

Однако, чтобы быть объективным, отмечу все же некоторую озабоченность этого должностного лица ситуацией в Польше в начале 1914 г. Оказывается, что он получал информацию по вопросам польского революционного движения от начальников жандармских управлений Юго-Западного края, которые весь предыдущий год направляли лично ему алармистские донесения об активизации действий националистов, о Закопанском съезде в Галиции летом 1912 г., а также последующих съездах в Кракове, Лондоне, Париже и Цюрихе. «Озабоченный этим движением, – писал В.Ф. Джунковский, – я отдал распоряжение по Департаменту полиции о систематизации всех материалов по этому движению за 1913 г. и о докладе мне для принятия тех или иных мер... Я вполне согласился с заключением полковника Шределя (начальника Киевского жандармского управления. – А.З.), но мне хотелось получить еще и от начальника Варшавского управления необходимые документы и тогда уже во всеоружии обнаружить стремления польских организаций. Война, разразившаяся в июле, помешала этому, парализовав действия польских организаций»²⁵. Что же получается? Департамент полиции вовсе запустил работу в Польше? Никаких активных действий по вскрытию реальной ситуации в националистическом подполье не предпринималось в преддверии войны? Получается, что так оно и было.

К сожалению, и ранее, и во время визита В.Ф. Джунковского Варшавское охранное отделение Департамента полиции, которое должно было прицельно работать по ППС в целом и по группе Пилсудского особенно, было не на пике профессионализма его сотрудников и их активности. Его агентурные возможности оказались достаточно скромными и не позволили выйти на практическую деятельность партийной разведки ППС. Может быть, именно по этой причине

²⁴ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 242.

²⁵ Там же. С. 289–290.

один из самых результативных начальников этого отделения жандармский подполковник П.П. Заварзин в своей автобиографической книге мало что написал о службе в Варшаве вообще и об участии в работе по борьбе с иностранным шпионажем в частности. О попытках выявления контактов польских революционеров с японской, а позднее и австрийской разведками мы не найдем в тексте ни одной строки. Фактически он лишь отметил такой факт, как сложность агентурного проникновения в партии, созданные на национальной, а не на классовой основе²⁶.

Результаты деятельности другого корифея тогдашнего политического розыска – полковника К.И. Глобачева, проработавшего более года в качестве начальника Варшавского охранного отделения, были отрицательно оценены комиссией ДП МВД России именно за явно недостаточно активную личную работу с агентурой, а также за отсутствие должного внимания к состоянию осведомительной сети у подчиненных²⁷. И это происходило как раз в 1910–1911 гг., в то время, когда Пилсудский и его ближайшие сподвижники развивали свои контакты с австрийской разведкой. Да что говорить о Варшавском отделении, когда в Особом отделе Департамента полиции МВД Российской империи в номенклатуре его дел Польская социалистическая партия значилась лишь под номером 13 среди наблюдавшихся (разрабатывавшихся) политических организаций, уступив место в «рейтинге» опасных для царского режима нелегальных структур другим²⁸. В заграничной агентуре Особого отдела ДП МВД России из 23 секретных сотрудников на 1913 г. не было ни одного, работавшего по Польской социалистической партии²⁹.

Жаль, что до начала Первой мировой войны отечественным спецслужбам (как в центре, так и на местах) не удалось выявить и пресечь шпионскую связь польских революционеров с австрийской разведкой. А эта связь постепенно укреплялась. С июля 1908 г. начальником разведывательного центра австрийского Генштаба во Львове был назначен капитан Г. Ишковский – поляк по национальности, немного говоривший по-польски. Капитан установил контакт с близким соратником Пилсудского А. Малиновским, который, кстати говоря, ранее имел прямое отношение к упомянутой выше операции «Вечер», то есть к работе с японской разведкой³⁰. А уже в конце ноября – начале декабря 1908 г. лично Пилсудский выехал в Вену, где с ним встретился начальник Учетного бюро Генштаба Австро-Венгрии майор М. Ронге, проинформированный Ишковским о целесообразности развития отношений с польскими революционерами-экстремистами в плане использования их в разведывательно-подрывной работе. В итоге состоявшихся переговоров австро-венгерская разведка получила в свое распоряжение целую агентурную сеть, зашифрованную криптонимом «Конфидент-Р», состоящую из 15 представителей Союза боевых активистов (СБА- ZWC)³¹. Этой разведывательной сетью руководили Пилсудский, Йодко-Наркевич и Малиновский. Замыслы австрийского Генерального штаба шли дальше, строились расчеты на будущее. Там полагали, что новая агентура начнет диверсионные действия на территории Королевства Польского, когда вспыхнет вооруженный конфликт с Россией.

К 1913 г. эта разведсеть разрослась до 250 человек. Ячейки «Конфидент-Р» имелись во Львове, Кракове и Перемышле, откуда отдельные агенты командировались Ю. Пилсудским в Петроград, Москву, Одессу, Ригу, Киев и Вильно. Накануне Первой мировой войны сеть «Конфидент-Р» имела только в российской столице 38 агентов. Они работали достаточно активно. По подсчетам польского историка профессора А. Пеплоньского, всего за 6 предвоенных меся-

²⁶ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930. С. 95.

²⁷ Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2013. С. 113.

²⁸ Там же. С. 110.

²⁹ Там же. С. 169.

³⁰ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 131.

³¹ Peplonski A. Wywiad w wojnie polsko-radzieckiej 1919–1920. W-wa, 1999. S. 13.

цев разведсеть Ю. Пилсудского направила своим хозяевам 389 письменных донесений и 119 устных сообщений³². Передававшаяся информация касалась прежде всего военной проблематики.

Запросы австрийских кураторов резко возросли после начала Первой мировой войны. Наличной разведывательной сетью обойтись уже было невозможно. В сентябре 1914 г. Пилсудский принял решение о преобразовании ряда подпольных структур в Польскую национальную организацию. Актив ее составили такие соратники Пилсудского, как Йодко-Наркевич, Малиновский и др., поднаторевшие в вопросах разведки. В планы ПНО входило установить связь с союзниками Австро-Венгрии – немецкими военными властями. И это вскоре произошло³³. Йодко-Наркевич направился в Берлин, где имел встречи в военном и дипломатическом ведомствах. Польских революционеров сориентировали на разведывательный отдел 9-й германской армии, которая вела боевые действия на территории Царства Польского. Со штабом армии было подписано соглашение о тайном сотрудничестве.

В дальнейшем разведывательная деятельность партии Ю. Пилсудского (Польской социалистической партии – ППС) проводилась членами созданной им осенью 1914 г. строго законспирированной структуры – Польской организации войсковой (ПОВ). Она состояла в подавляющем большинстве из молодых, националистически настроенных поляков. Первоначально ПОВ развернула свою деятельность на оккупированной немцами и австро-венгерскими войсками территории. Тайные соглашения против России – это одно, а предстоявшая работа по созданию независимого польского государства – это совсем другое. Здесь никакие контакты с иностранными войсками, по мысли Пилсудского, были недопустимы. Постепенно создавались ячейки ПОВ на Украине, в Белоруссии, Смоленской губернии, а также в Петрограде и Москве. Их задачей было оказание возможного содействия военнопленным из числа польских легионеров. По некоторым данным, уже летом 1916 г., после наступления генерала А.А. Брусилова, в русском плену оказалось более тысячи легионеров. Разведывательная работа в тыловых районах империи также не отошла на второй план, однако ее осложнял вопрос времени передачи сведений в штабы немецких и австро-венгерских войск.

Резко возросла активность организаций ПОВ на российской стороне после Февральской революции, особенно с лета 1917 г. В это время немцы арестовали Пилсудского. Формально поводом к этому послужило то, что в Петрограде на съезде поляков-военнослужащих российской армии он заочно был избран председателем. Кстати говоря, его кандидатуру на эту должность предложил будущий начальник польской разведки И. Матушевский, мотивируя это необходимостью проявления уважения к создателю первых польских вооруженных отрядов³⁴. Арест Пилсудского не повлиял на развитие структуры ПОВ. Ее руководителем стал полковник Э. Смиглы-Рыдз из 1-й бригады легионов. Он организовал Главное управление в Кракове и ввел туда наиболее близких подчиненных, имевших опыт нелегальной деятельности.

В самом начале 1918 г. немецкие войска захватили почти всю территорию Украины. Это дало Главному управлению ПОВ возможность организовать оперативный центр в Киеве, влияние которого должно было распространяться на всю Центральную Россию. Польский историк М. Волос утверждает, что начинать в Киеве пришлось не с нуля. Уже в первые месяцы войны подпольные ячейки типа ПОВ были созданы в Петрограде, Вильно и Киеве. На Украине группу возглавлял Ю. Бромиский (псевдоним «Йот»), который свое детство и юность провел в будущей столице Украины, хорошо владел русским языком, имел в городе обширные связи. Он осенью 1914 г. нелегально прибыл на территорию, еще контролировавшуюся рус-

³² Там же.

³³ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 188.

³⁴ Волос М. Польская военная организация в России и на Украине в 1917–1918 годах. – Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 195.

скими войсками, и обосновался в Киеве, где и создал организацию «Днепр». Позднее она стала основой структуры ПОВ. В члены группы привлекались только представители «радикальной» части общества, прежде всего молодежь. Бромирский разъяснял новым соратникам, что им предстоит вести «идейную борьбу с обнаглевшим казачеством, стремящимся к объединению трех частей разделов под эгидой царизма»³⁵. Другой задачей были сбор и пересылка за линию фронта материальных средств, предназначенных для поддержки легионов, и направление туда на службу молодых людей. Проводилась большая работа по вызволению легионеров из лагерей военнопленных. Была устроена целая «фабрика» по изготовлению поддельных документов, которыми снабжались бежавшие из лагерей легионеры. Одновременно велся сбор разведывательной информации о частях русской армии.

Киевское охранное отделение и армейская контрразведка в июне 1915 г. сумели частично вскрыть деятельность организации «Днепр» и арестовать некоторых ее членов, но не более того³⁶. Выявить иногородние связи и установить общероссийский характер работы польского подполья в Киеве российские спецслужбы тогда не смогли. По крайней мере, собирая материалы для своей монографии об отечественной контрразведке за 1914–1920 гг., я не обнаружил в российских архивах соответствующих документов³⁷. О масштабном провале киевского центра не упоминают и польские историки, изучающие деятельность Польской организации войсковой и разведки польской армии. Поэтому можно предположить, что провал в Киеве произошел случайно и почти не затронул основную массу членов подпольной структуры. Бежать пришлось лишь руководителю, обязанности которого в это время исполнял П. Высоцкий³⁸. Киевский центр вновь возглавил Бромирский. А вот работа на Украине в целом и в других городах Российской империи перешла в ведение руководящего сотрудника ПОВ Ф. Скомпского. Однако между двумя главными подпольщиками начались разногласия, основанные на некотором различии политических взглядов. Это приводило в конечном итоге к снижению активности по всем направлениям деятельности ПОВ на восточном направлении.

Положение изменилось начиная с февраля 1917 г. Послереволюционный хаос в нашей стране, вызванный в том числе и лавинообразным, тотальным разрушением всех без исключения структур военной контрразведки и органов политической безопасности Российской империи, способствовал развитию деятельности ПОВ. Как известно, уже 4 марта на третьем своем заседании Временное правительство приняло значимое для всей страны решение. Были ликвидированы Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД России³⁹. Все жандармские офицеры, включая и проходивших службу в отделениях по охране общественной безопасности, зачислялись в воинские части в соответствии с их военным образованием. А наиболее известные по успехам в борьбе с революционным движением в царской России арестовывались и привлекались к уголовной ответственности либо просто физически уничтожались «разгневанной» толпой. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство начальников отделов контрразведки фронтов и армий царской России являлись офицерами Отдельного корпуса жандармов, прикомандированными к военному ведомству. Таковыми были и практически все сотрудники службы наружного наблюдения.

О тех, кто занимался перлюстрацией корреспонденции или просто работал в военной цензуре, и говорить не приходится – «черные кабинеты» и их обитатели были «красной тряпкой» для новой власти. Крупнейший в нашей стране исследователь становления и развития «черных кабинетов», член «Общества изучения истории отечественных спецслужб», доктор

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 198.

³⁷ Зданович А. Отечественная контрразведка. 1914–1920 гг. Организационное строительство. М., 2004.

³⁸ Волос. М. Указ. соч. С. 198.

³⁹ Февральская революция. 1917 год. Сборник документов и материалов. М., 1969. С. 166.

исторических наук, профессор В.С. Измозик в своей фундаментальной монографии привел конкретные факты подтверждающие указанное выше. «10 июля 1917 года, – пишет он, – последовал приказ по Министерству почт и телеграфов, которым с 16 марта того же года увольнялись от должности тридцать восемь сотрудников цензуры иностранных газет и журналов, в том числе: шестнадцать чиновников петроградской цензуры, девять – московской, шесть – варшавской, три чиновника – киевской и четыре – одесской цензуры. Из тридцати восьми уволенных перлюстрацией занимались тридцать два человека»⁴⁰. А это был костяк профессионалов своего дела, обеспечивавших тайным, достаточно тяжелым трудом один из значимых методов работы контрразведки и политического розыска.

А пилсудчики в 1917 г., особенно в начале 1918 г., направляли на Украину и в Россию свои лучшие кадры, укрепляя структуры ПОВ. Многие из посланных заняли позднее в Возрожденной Польше достаточно высокие посты в государственном аппарате, в армии и спецслужбах. Первым эмиссаром после Октябрьской революции явился Т. Холувко. Его миссия как человека, хорошо разбиравшегося в российских и украинских реалиях, была весьма важной для дальнейшей работы ПОВ⁴¹. «Я заявил самым решительным образом, – писал Холувко, – что ППС находится в состоянии открытой борьбы с центральными государствами и готовится совместно с ПВО (имеется в виду ПОВ) в соответствующий момент вызвать вооруженное восстание против оккупантов. В таких условиях формирование в России демократической польской армии, которая могла бы в момент начала этой борьбы вступить на территорию Польши, имеет огромное, быть может, даже решающее значение»⁴². Пусть нас не удивляет упоминание Холувко только центральных держав, то есть Германии и Австро-Венгрии, поскольку польские националисты во главе с Пилсудским исходили из того, что оккупированные войсками этих государств Украина и некоторые другие районы бывшей Российской империи – это «восточные крессы» Польши.

Создание военных структур с непреложностью вело к организации необходимых любой армии органов разведки и контрразведки. Организационное строительство структур ПОВ, шпионские подразделения которых и выполняли в основном задания военных штабов, продолжилось ускоренными темпами. Об этом процессе имеются многочисленные свидетельства, известные из уже введенных в научный оборот документов. Поскольку содержащаяся в них информация повторяется, то можно предположить, что основой большинства исторических исследований явились одни и те же архивные материалы и воспоминания разного уровня руководителей, а также рядовых членов ПОВ. Поэтому я воспроизведу ход укрепления структур этой организации и активизации ее шпионской деятельности по опубликованной еще в 1923 г. книге «ЧК на Украине» достаточно известного в то время на Украине чекиста – С.С. Дукельского⁴³. Он с 1920 г. служил заместителем начальника секретно-оперативной части Особого отдела Юго-Западного фронта, затем начальником Особого отдела Центрального управления чрезвычайных комиссий Украины и далее заместителем начальника ОО ВУЧК. Как известно сейчас, это были именно те подразделения органов госбезопасности, которые в основном и боролись с ПОВ на Украине.

Предваряя обращение к тексту книги, нельзя не отметить интересные факты.

1) Она предназначалась для широкого распространения в целях поднятия бдительности населения, однако весь тираж ее был изъят по неизвестным до сего времени причинам. Лишь отдельные экземпляры достались некоторым руководящим партийным и чекистским работникам. Практически впервые в советский период информацию из книги Дукельского использо-

⁴⁰ Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. М., 2015. С. 260.

⁴¹ Волос М. Указ. Соч. С. 198.

⁴² Там же.

⁴³ Дукельский С.С. ЧК на Украине. Харьков, 1923.

вали украинские историки, прежде всего Л. Маймескулов, А. Рогожин и В. Сташис⁴⁴, а полный текст первой части книги, хранящейся в архиве Гуверовского института, был опубликован американским историком Ю. Фельштинским в книге «ВЧК-ГПУ. Документы и материалы»⁴⁵.

2) Дукельский, работая на должности сотрудника для особых поручений при наркомвнутренних дел Н. Ежове, имел непосредственное отношение к составлению текста оперативного приказа № 00485 от 11 августа 1937 г. о проведении массовой операции «по полякам», а также рассылавшегося при нем закрытого письма «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР»⁴⁶. Ряд фрагментов указанного письма, относящихся к деятельности ПОВ, практически дословно совпадает с текстом его книги об органах ЧК-ГПУ на Украине. Авторство Дукельского подтверждается и тем, что он в 1938 г. подготовил для чекистских учебных заведений монографию о борьбе с польской разведкой, в которой значительное внимание уделил ПОВ.

3) Все, что сказано о ПОВ Дукельским в книге «ЧК-ГПУ», почерпнуто им из протоколов допросов некоторых членов организации, арестованных в 1920–1921 гг., и из изъятых у них при обысках документов.

Дукельский указывает, что ПОВ в 1918 г. имела несколько главных командований (КН – Коменд начальной), и под номером три значилась организация в Киеве (КН-3). Все три организации входили в состав разведывательного отдела Главного командования польской армии. К середине 1919 г. организация была расширена, и изменилась ее структура. КН-3 стала именоваться КН-У (Коменда начальна Украина). Создавались подчиненные киевской организации местные комендатуры, такие как: КУП – Правобережная Украина, КУЛ – Левобережная, КУЧ – черноморская и КУК – кубано-кавказская команды. Подпольщикам удалось укрепить, а в некоторых местах и восстановить прочные контакты. Так, существовала курьерская связь с Харьковом, Одессой, Винницей, Житомиром, Москвой и Петроградом. На всей территории Украины и России руководство деятельностью ПОВ осуществлялось из Варшавы⁴⁷. Дополняя Дукельского, польский историк М. Волос отмечает наличие у ПОВ 12 баз на Правобережной Украине, 6 – на Левобережной, 6 – в черноморской полосе и в Крыму. Еще 5 баз имелось на так называемых «казачьих землях» и на Кавказе. Члены ПОВ добрались даже до Азербайджана и Грузии. В подпольной деятельности на территории КН-3 в 1918 г. участвовали почти 500 человек⁴⁸.

К сожалению, ввиду быстро менявшейся обстановки в России и особенно на Украине, наличия большого числа поляков в советских республиках, из числа которых и вербовались члены ПОВ, слабости вновь созданных органов госбезопасности и ряда других факторов вскрыть подпольные структуры тогда не удалось. Чекисты реально ощутили разведывательно-подрывную работу ПОВ лишь в 1919 г.

⁴⁴ Маймескулов Л., Рогожин А., Сташис В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия. 1918–1922 гг. Харьков, 1990.

⁴⁵ Фельштинский Ю.Г. ВЧК-ГПУ. Документы и материалы М., 1995. С. 135–215.

⁴⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С. 301–321.

⁴⁷ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 156.

⁴⁸ Волос М. Указ. соч. С. 199.

Чекистские операции по польской линии в 1918 году

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что с польской проблематикой ВЧК впервые столкнулась в самом начале 1918 г., когда против советской власти восстал 1-й корпус польских легионов. Напомню, что польский корпус был создан в составе русской армии еще до Октябрьской революции. Первоначально в 1915 г. польские части формировались как легион, который позднее преобразовали в бригаду и далее – в дивизию. Белорусский историк Н. Сташкевич утверждает, что легионы в боевых действиях не участвовали, поскольку командование Западного фронта считало их ненадежными и отвело с линии фронта в г. Борисов⁴⁹. Уже при Временном правительстве командиром корпуса был назначен бывший командир 38-го армейского корпуса 10-й армии генерал-лейтенант Ю.Р. Довбор-Мусницкий. После Октябрьской революции командование корпуса отказалось выполнять постановления советского правительства о демократизации армии, развернуло националистическую пропаганду, установило контакт с польскими политиками за границей, стремившимися к созданию независимого государства. 12 (25) января 1918 г. Довбор-Мусницкий поднял мятеж против советской власти, и легионеры стали угрожать Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Тогда генерала объявили вне закона, а корпус, согласно приказу командующего Западным фронтом, подлежал разоружению и расформированию. Для этого пришлось применить военную силу, и легионеры понесли серьезные потери. От полного разгрома корпус спасло наступление немецких войск, начавшееся 18 февраля 1918 г.⁵⁰

В связи со сказанным необходимо напомнить о том, что 21 февраля 1918 г. Совнарком РСФСР принял воззвание к трудящемуся населению всей России по поводу наступления Германии. В нем, в частности, отмечалось, что немецкие власти, дождавшись демобилизации старой русской армии, нарушили перемирие и двинули свои войска в наступление против революционной России. В связи с этим СНК призвал ускоренными темпами создать Красную армию для отпора врагу и укреплять «железной рукой» внутреннюю безопасность во всех городах⁵¹. На это воззвание незамедлительно отреагировала Всероссийская ЧК. В плане рассмотрения польской темы небезынтересно отметить следующее: в объявлении ВЧК, опубликованном в «Известиях ВЦИК» от 23 (10) февраля 1918 г., среди разных категорий лиц, подлежащих расстрелу на месте ввиду создавшейся обстановки, указаны и те, кто планировал ехать на пополнение «польских контрреволюционных легионов». Они однозначно рассматривались как политические преступники и шпионы⁵².

Большевики арестовали несколько членов правлений союзов военных поляков. В Минске, к примеру, были захвачены члены Верховного польского военного комитета (ВПВК). Оставшиеся на свободе члены ВПВК выехали в Киев, где заключили соглашение с отделением некоего Польского совета Междупартийного объединения. Представители ВПВК передали свои полномочия вновь образованному совету польских вооруженных сил.

Часть польских офицеров и солдат осталась на территории, контролировавшейся немецкими оккупационными войсками. Другие двинулись в центральную часть России и осели в крупных городах, включая Москву и Петроград, сохраняя во многих случаях даже структуру воинских формирований (взвод, рота и т. д.), а также уставную дисциплину. Только в Москве и ее окрестностях весной 1918 г. насчитывалось более 4500 военнослужащих из состава поль-

⁴⁹ Сташкевич Н.С. Приговор революции. Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925. Минск, 1985. С. 153.

⁵⁰ Военная энциклопедия в 8-ми томах. Т. 3. М., 1995. С. 92.

⁵¹ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сб. док. М., 1958. С. 93–95.

⁵² Там же. С. 96.

ских частей, созданных еще при царском режиме и в период Временного правительства. В своем большинстве эти поляки были настроены националистически, негативно относились к советской власти и конкретно – к ее представителям из военного ведомства. Добавлю при этом, что солдаты и офицеры (многие из которых вообще не владели русским языком) слабо поддавались большевистской агитации и пропаганде, поскольку практически не общались с местным населением, не участвовали в разного рода массовых мероприятиях, организовывавшихся советскими и партийными органами, не читали коммунистических листовок, воззваний и газет. Усилия военного отдела Польского комиссариата Наркомата по делам национальностей приносили некоторые результаты в плане обработки своих соотечественников в революционном духе, но не в том масштабе, какой тогда требовался. А как отметил в своем отчете начальник военного отдела Р.В. Лонгва, весной 1918 г. пропагандистская работа почти сошла на нет после переезда всего правительства в Москву и ввиду демобилизации старой армии, а также заключения мира с Германией⁵³.

Как это ни покажется странным, но многие польские подразделения стояли на всех видах довольствия в Московском военном округе, руководство которого не придавало, вероятно, большого значения их политической надежности. Реальной обстановки в национальных частях никто не знал. Военная контрразведка округа, которой, казалось бы, и надлежало заняться данным вопросом, только становилась на ноги, своих информаторов среди поляков не имела. Не установила она и прочной связи с пробольшевистски настроенными польскими организациями, включая группы Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). А ведь через них открывалась реальная возможность проникнуть в польские воинские части с целью оперативного вскрытия негативных тенденций, связи с военными миссиями союзников и подготовки с помощью последних конкретных подрывных акций. Опереться можно было на таких членов Центрального исполнительного комитета СДКПиЛ, как председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский и комиссар по польским делам Московского военного округа (с декабря 1917 г.) Э.А. Прухняк.

Возможно, контрразведчики МВО надеялись, что если такие высокопоставленные должностные лица держат под контролем польские части, то и не стоит разворачивать работу на данном направлении. Однако, как показали дальнейшие события, чекисты и комиссары тоже многого не знали. К примеру, они не имели точной информации о существовавшей в то время Комендатуре польских войск в Москве, тесно связанной тогда с патронировавшимся немецким посольством представительством польского Регентского совета (ПРС). Пост коменданта занимал член Союза военнослужащих-поляков В. Дыбчинский. Он ориентировался на главу представительства ПРС в России А. Ледницкого, которому регулярно представлял доклады о своей конспиративной работе⁵⁴.

Вот, что записали в июне 1918 г. следователи ВЧК и Ревтрибунала в протоколе допроса свидетеля по одному из уголовных дел комиссара польских отрядов Московского военного округа, а затем и члена польского Комиссариата большевика Станислава Бабинского: «О польской комендатуре во главе с капитаном Подгурским знает, что она была организована по постановлению Главного Комитета Союза военных поляков для организации национальной польской армии... Руководила действиями ГКСВ-поляков Народно-Демократическая партия. Польские общественные организации, руководимые Нар. Дем. Партией, вели ожесточенную борьбу с образованным по постановлению Совета Народных Комиссаров Польским Комиссариатом... В особенности ожесточенную травлю и борьбу вела Нац. Демократия идейно против контроля над польскими военными организациями... Польский Комиссариат совершенно не знал об издаваемых бюллетенях ЦИК Междупартийного Объединения в целях информации

⁵³ Там же. С. 346.

⁵⁴ Там же. С. 338.

иностранных миссий о польских делах. О Лиге Боевой Готовности ничего не слышал и не знаю...»⁵⁵. Прямо скажу – не многое знал комиссар польских военных отрядов в МВО. Фактически он лишь пассивно наблюдал за агитационно-пропагандистской деятельностью польских националистов, и поэтому от него чекистам ждать какой-либо помощи не приходилось. Добавлю, что в этом вопросе никак не проявилась довольно высокая общеобразовательная и политическая подготовка Бабинского. Ведь в этом плане он был «на голову» выше большинства сотрудников ВЧК и следователей Ревтрибунала: окончил философский факультет Ягеллонского университета и Лесную академию, являлся доктором философии. Уже в 1913 г. был избран членом Варшавского комитета Социал-демократии Королевства Польши и Литвы, с мая 1917 г. представлял СДКПиЛ в Московском комитете РСДРП(б), входил в состав советской делегации на мирных переговорах в Бресте, работал в военной среде именно в Москве.

Союз военнослужащих-поляков практически не контролировался и Комиссариатом по польским делам Наркомнаца, хотя его существование, по большому счету, было «секретом Полишинеля» для советских властей как в Петрограде, так и в столице. Деньги для лиц, входивших в Союз военнослужащих, выделял, а следовательно, и имел на них серьезное влияние, функционировавший в Москве (но нигде не зарегистрированный) Польский совет Междупартийного объединения (ПСМО). Руководство и военный отдел ПСМО поддерживали тесную связь с французской военной миссией (ФВМ). И об этом следует сказать подробнее.

Решая свои национальные военно-политические задачи, французские дипломаты и офицеры из миссии не сразу определились по отношению к военнослужащим-полякам: отправить их в Мурманск или Архангельск и далее – в Париж либо использовать в России против большевиков. Они учитывали то обстоятельство, что руководство Союза военнослужащих-поляков еще летом 1917 г. изучало вопрос о реальной поддержке готовившегося генералом Л. Корниловым переворота и склонялось скорее к положительному ответу на обращенный к Союзу запрос заговорщиков⁵⁶. Ф. Держинскому, члену созданного ВЦИКом Комитета народной борьбы с контрреволюцией, пришлось 2 сентября 1917 г. даже выступить в польской газете «Трибуна» со специально подготовленной статьей «Польские союзники Корнилова». Он писал: «Польская контрреволюция – это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия»⁵⁷. Ф. Держинский имел в виду конкретно деятельность Верховного польского военного комитета в Петрограде. В новых условиях, при власти большевиков, этот факт мог указывать разведчикам из ФВМ на некоторую возможность привлечения польских частей к закреплению предполагаемого успеха антисоветского восстания, подготовленного к концу мая 1918 г. Главным исполнителем в этом деле выступал спонсировавшийся французским дипломатическим представительством и ФВМ подпольный «Народный союз защиты родины и свободы»⁵⁸ – контрреволюционная организация Б. Савинкова. Замечу, что этот политический деятель родился в семье русского чиновника в Польше, окончил в Варшаве гимназию, приобрел многочисленные связи в среде польских борцов с царизмом, с юности был знаком с будущим главой польского государства Ю. Пилсудским⁵⁹. В период Временного правительства, занимая пост военного министра, имел отношение к формированию польских воинских частей. Сразу после взятия власти большевиками

⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-42054. Т. 2. Л. 45.

⁵⁶ Из истории ВЧК. С. 121.

⁵⁷ Держинский Ф.Э. Избранные произведения. Т. 1. М., 1977. С. 162.

⁵⁸ «Народный союз защиты родины и свободы» – контрреволюционная военная подпольная организация, созданная Б. Савинковым в феврале – марте 1918 г. с целью свержения советской власти. Организация имела разветвленную агентурную сеть в городах Центральной России (Казань, Москва, Муром, Рыбинск, Ярославль и др.). Заговорщики получили от Франции 3 млн рублей для организации переворота. Общий состав организации достигал 5 тыс. человек. В мае – июле 1918 г. заговор был раскрыт чекистами. Вооруженные выступления в нескольких городах были быстро подавлены.

⁵⁹ Борис Савинков на Лубянке. Документы. С. 437.

вместе с группой военных и политиков, среди которых был и близкий друг Пилсудского бывший офицер царской армии К. Вендзягольский, пытался организовать сопротивление новой власти. Уже будучи в Москве, весной 1918 г. поддерживал с последним контакт как с руководителем одной из польских подпольных организаций в Киеве⁶⁰. Так что связь с Союзом поляков-военнослужащих Савинков мог без труда установить, выполняя указания ФВМ.

Следует подчеркнуть, что разведчики из французской военной миссии в феврале – апреле 1918 г. окончательно еще не решили главный вопрос: стоит ли вообще свергать советскую власть вооруженным путем и привлекать для этого поляков в частности. По крайней мере, мне не удалось найти соответствующие материалы о принятии итогового решения о плане действий в фондах французского военного министерства, хранящихся в Российском государственном военном архиве.

Какое-то время французские военные и дипломатические представители в России выступали лишь в качестве арбитров в спорах поляков-конспираторов о судьбе подчиненных им воинских формирований. Прибывший летом 1918 г. в Париж из Москвы один из членов ПСМО докладывал там, что речь идет о двух проектах: «1) организация людей и содержание их в состоянии боевой готовности для использования на Восточном фронте, 2) концентрация людей и пересылка их различными путями во Францию»⁶¹. Один из ведущих членов Совета Междупартийного объединения и одновременно деятельный сотрудник еще одной польской организации – Гражданского комитета в Москве – ксендз Казимеж Лютославский настойчиво добивался от французов отправки поляков-военнослужащих из российской столицы и других городов через Мурманск и Архангельск во Францию для вступления их в создававшийся там польский корпус⁶².

ПСМО заключил соглашение с находившимся некоторое время в Москве бывшим командиром 2-го польского корпуса генералом Ю. Галлером. В соответствии с данным документом был создан мобилизационный подотдел, начавший функционировать 15 июня 1918 г. Замещать уехавшего Галлера остался нелегально проживавший в Москве генерал Л. Желиговский. Он приступил к организации польских войск под единым началом. Предполагалось, что концентрация и передислокация воинских частей будут осуществляться в тайне от советских властей. В это же время по поручению военного отдела ПСМО и при посредничестве ФВМ К. Лютославский связался с командованием чехословацких войск в России и направил в Сибирь группу офицеров с целью создания там воинских частей из военнопленных поляков. Таким образом, военнослужащие польской национальности весной и летом 1918 г. постепенно пополняли ряды контрреволюционных формирований на севере и востоке нашей страны. А в это время в Париже на заседаниях Польского национального комитета, претендовавшего на роль правительства будущей независимой страны, обсуждался вопрос о том, как побудить Францию и Англию к активной интервенции в Россию с целью свержения советской власти⁶³.

Как видно из приведенных фактов, в Петрограде и в новой советской столице в начале весны 1918 г. обосновались не только некоторые польские воинские части, но и конспирировавшие свою деятельность политические структуры, преследовавшие националистические цели и враждебно настроенные по отношению к власти большевиков. Однако, как я уже сказал, Московская ЧК и отдел контрразведки Московского ВО были слишком слабы, чтобы выявить конкретные факты тайной работы поляков. Лишь после переезда в новую столицу Всероссийской ЧК на них обратили внимание. Так, уже 23 марта на заседании Президиума ВЧК был рассмотрен вопрос о внедрении секретного осведомителя в среду военнослужащих поль-

⁶⁰ Там же. С. 538.

⁶¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 384.

⁶² Там же. С. 405.

⁶³ Там же. С. 379.

ских легионов. Конкретный пункт решения изложен следующим образом: «П. 8. О Похопине. Утверждается по предложению Дзержинского негласным сотрудником по собиранию сведений среди польских легионов»⁶⁴.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. При подготовке одного из тематических сборников документов по истории отечественных спецслужб, в котором предполагалась публикация данного протокола заседания руководящего органа ВЧК, я и другие члены коллектива авторов-составителей не смогли найти в архиве ФСБ России никаких данных, дававших бы возможность прокомментировать приведенный выше пункт решения. В частности, не удалось разыскать конкретную информацию, на основе которой председатель ВЧК поставил вопрос о необходимости агентурного наблюдения за легионами. Сведений о самом Похопине также не сохранилось. Можно лишь предположить, что он имел некоторое отношение к легионам и каким-то образом вышел на контакт с Дзержинским, предложив свои услуги. Видимо, возможности Похопина были достаточно серьезные, поскольку наряду с этим человеком нам известно еще лишь об одном секретном сотруднике, которого непосредственно рекомендовал на тайную службу в ВЧК ее председатель, – А.Ф. Филиппове⁶⁵.

В одном из дел ВЧК за ранний период ее деятельности удалось найти справку по обследованию польских воинских частей в Москве, датированную 31 марта 1918 г. Подписи под текстом нет. Но, скорее всего, первичную информацию дал делопроизводитель польского полка А. Контримович, а далее работали сотрудники наружного наблюдения Всероссийской ЧК. Судя по тексту справки, польские части дислоцировались в разных районах Москвы, но совсем недалеко от центра. Так, 1-й польский легион располагался на Большой Садовой в доме № 104, по Новинскому бульвару в доме № 101 находился уланский полк, правда, состоявший из 16 офицеров, но настроенных резко против большевиков. При поступлении в полк Контримовича капитан Боулинский заявил ему, что он будет принят на службу только с тем условием, чтобы не признавать советскую власть⁶⁶. Польское воинское подразделение располагалось и на Остоженке в доме № 20. Там, по данным ВЧК, имелся запас оружия и продовольствия. То же и на Пречистенке, в Дурновом переулке.

В Москве действовала так называемая Комендатура Верховного польского военного комитета (ВПВК) – органа, на который Ф. Дзержинский указывал в процитированной выше статье в сентябре 1917 г. В подчинении Комендатуры находились некоторые польские части, а также и запасной батальон, сформированный ВПВК. После Октябрьской революции этот батальон стал называться польским стрелковым полком имени Бартоша Гловацкого. Полк насчитывал около 1500 человек. Дальнейшая судьба полка подробно описана в статье слушателя (на февраль 1920 г.) Академии Генерального штаба В.Т. Дашкевича. Судя по тексту статьи, изобилующей интересными деталями, Дашкевич либо сам служил в полку, либо занимался им по поручению штаба МВО. «В начале марта 1918 г., – писал Дашкевич, – согласно решению штаба Московского военного округа, (полк) должен был переименоваться в интернациональную красноармейскую часть, причем в случае неисполнения этого требования лишался всех видов довольствия, получаемых им из московского интендантства. Требование штаба исполнено не было. Благодаря суммам, полученным от Совета Междупартийного Объединения (в марте мес. 10.000 рублей), часть просуществовала до апреля месяца, когда по распоряжению ВЧК несколько чинов командного состава с командиром полка, полковником Маевским, во главе были арестованы, а полк расформирован»⁶⁷.

⁶⁴ Левые эсеры и ВЧК. Сб. док. Казань, 1996. С. 56.

⁶⁵ Речь идет об издателе газет А.Ф. Филиппове. См.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. С. 19–24.

⁶⁶ ЦА ФСБ России. АУД Р-42054. Т. 1. Л. 297.

⁶⁷ Дашкевич В. О польской вооруженной силе в России за время с 1 июня 1913 г. по 1 июня 1918 г. Историческая справка. – Военно-исторический сборник. Вып. № 4. М., 1920. С. 178.

Сделаем лишь небольшое уточнение. Согласно тексту отчета заведующего военным отделом Комиссариата по польским делам Р. Лонгвы, именно он и его подчиненные, а не ВЧК, инициировали ликвидацию польского стрелкового полка им. Б. Гловацкого, а также еще двух польских полков «советских войск южного направления»⁶⁸. Безусловно, в данном конкретном случае Комиссариат по польским делам действовал в контакте с чекистами.

К свидетельствам Дашкевича добавлю еще несколько фактов, почерпнутых из уголовного дела на командира польской воинской части. Полковник Казимир Болеславович Маевский долгое время служил в царской армии, участвовал в боях в период Первой мировой войны, был ранен и прибыл в Москву в конце 1917 г. для долечивания в госпитале. Здесь на него вышли представители Польской комендатуры (ПК) и предложили стать командиром запасного полка и далее сформировать польскую бригаду. ПК находилась в связи с военным отделом Польского совета Междупартийного объединения и через него с французской военной миссией. По указанию ПК и ПМПО полковник Маевский пошел официальным путем к достижению поставленной цели – он готовил и направлял докладные записки военному руководителю Высшего Военного Совета генералу М.Б. Бонч-Бруевичу и наркому по военным делам Л. Троцкому. Полковнику удалось даже добиться нескольких личных докладов указанным советским военным деятелям, в ходе которых Маевский настаивал на практической реализации представленных им проектов. Не дожидаясь официального утверждения командующим МВО Н.И. Мураловым создания полка им. Бартоша Гловацкого, его командир сумел договориться о снабжении воинской части всеми видами довольствия и праве подписывать отпускные билеты и командировочные удостоверения. Это нужно было ПМПО и ПК для направления эмиссаров в места содержания военнопленных польской национальности австро-венгерской и немецкой армий и вербовки их в новые формирования. Причем Маевский официально заявлял, что комплектует будущую советскую стрелковую дивизию. Именно советскую, следовательно, подчиненную нашему военному командованию⁶⁹. И в это же самое время он несколько раз посещал главу французской военной миссии генерала Ж. Лаверня и получил от него (через ПМПО) более 20 тысяч рублей на содержание полка и поездки эмиссаров.

Конспиративная деятельность и реальные планы полковника выяснятся позднее, когда 6 апреля 1918 г. он будет арестован ВЧК и допрошен, а при обыске изъяты все документы, подтверждавшие его противосоветскую деятельность. Есть основания предполагать, что Маевский в определенной степени сотрудничал со следствием, возможно, под давлением добытых ВЧК улик и угрозы расстрела. Как бы там ни было, остается неопровержимым тот факт, что другие арестованные по его делу лица были осуждены, а некоторые и расстреляны. Однако в отношении Маевского председатель ВЧК Ф. Дзержинский и комиссар польских советских частей С. Бабинский вышли с ходатайством в Президиум ВЦИК о прекращении уголовного дела и освобождении полковника из-под стражи. Президиум ВЦИК с этим согласился и принял 14 сентября 1918 г. соответствующее решение⁷⁰. Замечу, что в это время уже действовал декрет СНК о «красном терроре». На этом фоне вердикт по делу Маевского представляется чем-то экстраординарным. Правда, исполнять решение Президиума ВЦИК чекисты не торопились. 3 октября Маевский все еще числился в Бутырской тюрьме. При этом он уже неделю находился на допросах в ВЧК⁷¹. О дальнейшей судьбе полковника пока ничего не известно. Можно только предполагать, что по делу вскрылись новые обстоятельства, потребовавшие отложить освобождение Маевского.

⁶⁸ ДМИСМО. Т. 1. С. 393.

⁶⁹ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-42054. Т. 1. Л. 295.

⁷⁰ Там же. Т. 2. Л. 155.

⁷¹ Там же. Т. 3. Л. 33.

Совсем недавно я вновь получил возможность, но теперь уже детально, изучить дело братьев Лютославских, хранящее в Центральном архиве ФСБ России. Просмотрев его еще в конце 1990-х гг. и не имея перед собой специальной задачи изучить чекистские операции в 1918 г. именно по польской линии, я, к сожалению, тогда упустил много важной, на мой взгляд, информации по некоторым описанным раньше эпизодам. Она осталась не востребовавшей и при написании мной монографии о советской контрразведке в ранний советский период. Поэтому воспользуюсь сейчас материалами дела и уточню то, что осталось «за кадром». Прежде всего это касается тех конспиративных польских военных структур, которые действовали в Москве в 1918 г.

Из уголовного дела братьев Лютославских следует, что в Москве действовало несколько строго конспиративных организаций, связанных с ПМПО и Польской комендатурой, прежде всего это «Лига Боевой Готовности» (ЛБГ) и «Революционный Союз зарубежных поляков для борьбы за независимость» (СЗП).

Что стало известно чекистам от допрошенных лиц о первой? Она была создана в ноябре – декабре 1917 г. в Киеве, и якобы руководил ею некий офицер польских легионов А. Езерский. По крайней мере, при обыске у Иосифа Лютославского обнаружили письмо к нему от главного коменданта Езерского с предложением создать и возглавить в качестве коменданта московское отделение ЛБР⁷². Цель данной структуры определялась следующим образом: агитация среди гражданского населения и военнопленных поляков в пользу образования польской вооруженной силы для борьбы с немцами и за независимость Польши. Причем, судя по тексту письма, Езерский был вполне осведомлен об избрании И. Лютославского членом Исполкома ПМПО и его связях с военнослужащими-поляками в Москве. Этот факт свидетельствует об информированности подпольщиков в Киеве о состоянии дел в будущей столице Советской России. Далее, во исполнение предложения главного коменданта, на организационное собрание московского отделения ЛБГ Лютославскому удалось собрать около 400 человек⁷³. Был создан штаб новой организации, но назвать чекистам его членов Лютославский категорически отказался. И еще одно, на мой взгляд, очень важное обстоятельство: при ЛБГ существовали военные курсы, которые функционировали в помещении спортивного общества «Сокол», патронировавшегося Польским советом Междупартийного объединения. Под прикрытием проведения тренировок члены ЛБГ получали начальные военные знания. И все это происходило без ведома местных властей.

Цели ЛБГ, нелегальный характер ее деятельности и направленность подготовки ее членов позволяют сделать вывод о том, что под названием ЛБГ действовала Комендатура Польской организации войсковой, созданной Пилсудским еще в 1914 г. В данном случае мы имеем дело с филиалом Коменды начальной № 3 ПОВ (КН-3) в Киеве – центральной для всех советских республик в 1918 г.

Подтверждают мой вывод материалы исследователя истории польских спецслужб профессора А. Пеплоньского, незнакомого, кстати говоря, с документами из уголовного дела на братьев Лютославских. Польский историк в одной из своих монографий указывает на то, что именно эти польские политические деятели руководили в Москве Комендатурой ПОВ⁷⁴. Уточню только, что этой работой непосредственно занимался лишь один из братьев – Иосиф Лютославский.

О «Союзе зарубежных поляков» (СЗП) из материалов уголовного дела известно меньше, чем о ЛБГ. В протоколах допросов Иосифа Лютославского и члена СЗП Станислава Липковского содержится следующая информация: организация создана в начале 1918 г. в Воронеже

⁷² Там же. Т. 1.116.

⁷³ Там же. Т. 2. Л. 28.

⁷⁴ Peplonski A. Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej. 1919–1920. Warszawa, 1999. P. 35.

польскими военнопленными. Некие ее организаторы обратились за финансовой помощью в военный отдел ПМПО, конкретно – к И. Лютославскому. Они же предложили создать отделение СЗП в Москве. Заняться этим делом было поручено некоему Мариану Гржегорчику. О нем известно лишь то, что он «был человек очень энергичный, он был душой Московской организации»⁷⁵. Через него шло финансирование и ЛБГ, и СЗП, а также полка им. Бартоша Гловацкого. Гржегорчик был, по мнению чекистов, посвящен практически во все дела нелегальных польских организаций. Поэтому 29 апреля 1918 г., когда следователи получили некоторые сведения о его роли от Лютославских, председатель ВЧК Ф. Держинский подписал ордер на его арест. К сожалению, время было упущено, и подозреваемый в контрреволюционных действиях Гржегорчик, узнав об аресте братьев Лютославских, успел скрыться. Приведенными сведениями исчерпываются мои знания об ЛБГ и СЗП. Возможно, что отечественные и польские историки найдут новую информацию по данному вопросу и смогут дополнить сказанное.

При всей скудости данных о работе по польской проблематике Всероссийской ЧК и военной контрразведки в первой половине 1918 г. можно, тем не менее, утверждать, что офицеры польских частей и некоторые польские политики, находившиеся в тот период в Петрограде, а также в Москве, проводили враждебную советской власти деятельность. Кроме того, что они наладили переправку военнслужащих-поляков в неконтролировавшиеся большевистским правительством регионы, они еще и противодействовали полякам – сторонникам большевиков в реализации их шагов по привлечению соотечественников из числа солдат и офицеров в ряды Красной армии. Существовала и гипотетическая возможность участия поляков в контрреволюционном заговоре под руководством Б. Савинкова. По крайней мере, известно, что среди участников восстаний, организованных «Народным союзом защиты родины и свободы», в частности в Ярославле, были и польские офицеры⁷⁶.

Все это не могло не тревожить чекистов. Так, решение о задействовании Похопина в качестве секретного сотрудника для проникновения в среду военнслужащих-поляков состоялось 23 марта, то есть всего через 10 дней после переезда ВЧК в новую столицу. Среди большого числа организационных вопросов, стоявших на повестке дня, у руководства ВЧК находилось время только для наиболее важных и неотложных в оперативном и следственном плане дел. Среди них оказалось и «Объединенное дело польских белогвардейских легионеров»⁷⁷.

На основании ли данных, полученных от Похопина, или без его участия, но Отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК провел обыски у легионеров, а также арестовал нескольких членов Польской комендатуры, однако ничего компрометирующего тогда обнаружить не удалось. Допросы легионеров результатов не дали. Поэтому уже 9 апреля 1918 г. на заседании ВЧК по предложению члена Коллегии и одновременно заведующего Отделом по борьбе с контрреволюцией И.Н. Полукарова было принято решение «о выдаче польским легионерам жалования из отобранных у них 6 720 рублей ввиду крайне бедственного их состояния и отобрания с них подписки о срочном выезде из Москвы»⁷⁸. Этим самым чекисты, пусть и с опозданием, но пытались пресечь создание в столице объединенного польского военно-политического центра. Однако процесс переброски поляков на север и в Сибирь не прекращался. Через Москву на Мурманск и далее во Францию ехали легионеры не только из Белоруссии, но и с Украины, из оперировавших там 2-го и 3-го польских корпусов. Историкам известно, к примеру, о передвижении по этому маршруту командира 2-го польского корпуса генерала Ю. Галлера в мае 1918 г.⁷⁹ Находившийся в корпусе адъютант и доверенное лицо Ю. Пилсудского Б. Венява-

⁷⁵ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-42054. Т. 2. Л. 29.

⁷⁶ ДМИСПО.Т. 1. С. 443.

⁷⁷ Архив ВЧК. Сб. док. М., 2007. С. 255.

⁷⁸ Там же. С. 207.

⁷⁹ Волос М. Указ. соч. С. 202.

Длугошовский намеревался последовать в Париж вслед за комкором и прибыл из Киева в Москву. Ему повезло меньше. В российской столице он был арестован ВЧК, содержался некоторое время на Лубянке и в Бутырках, но затем по каким-то соображениям был освобожден. В сентябре он беспрепятственно отправился в Варшаву. А вот к другим легионерам относились более строго. Даже рядовых солдат освобождали порой только после рассмотрения их дел на заседаниях руководства ВЧК или ее местных органов⁸⁰.

Некоторые авторы утверждают, что Венява-Длугошовский прибыл в Москву в составе некой дипломатической миссии, стремясь тем самым указать на «беззаконную» деятельность чекистов, нарушивших его неприкосновенность⁸¹. Действительно, летом и осенью 1918 г. бывали и задержания иностранных дипломатических сотрудников, и обыски в посольствах и консульствах. Однако здесь совсем иной случай, поскольку самостоятельного польского государства тогда еще не существовало, а следовательно, никаких его дипмиссий не могло и быть. Более того, есть свидетельства о заключении Венявы-Длугошовского в тюрьму вместе с группой польских солдат и офицеров, тайно направлявшихся на Мурман. Вот, к примеру, что вспоминал о времени своего ареста в Москве в июле 1918 г. В. Клементьев – один из ближайших соратников активного борца с советской властью Б. Савинкова: «Во главе у них (арестованных. – А.З.) Венява-Длугошовский. Поляки здесь временно. Их везут „на казенный счет в Польшу“»⁸². В делопроизводственных документах ВЧК за 1918 г. нет упоминания о том, на каком основании был освобожден из тюрьмы Венява-Длугошовский. Польские историки, в частности М. Волос, выдвигают версию о личном указании на этот счет главы ВЧК Дзержинского. Его якобы просил об этом известный адвокат Л. Берензон, защищавший Феликса Эдмундовича и брата Венявы-Длугошовского на судебных процессах в царское время⁸³. Возможно, так оно и было. Но для нас более важно определить другое – откуда Клементьев знал Веняву-Длугошовского? Ведь он не жил и не служил до революции в Польше. Поэтому возникает вопрос: не находился ли адъютант Пилсудского со своими соратниками в контакте с подпольной организацией Савинкова при посредничестве ФВМ?

Стоит обратить внимание и на то, что упомянутый выше генерал Галлер, в конечном итоге, добрался северным маршрутом (через Мурманск) до Парижа именно при помощи ФВМ. Нет сомнений в том, что «туристам» и во многих других случаях помогала ФВМ. И помогала не из сострадания к полякам, а преследуя интересы своего государства. Именно французы стали основным «спонсором» при создании армии и специальных служб Польши, готовили и подталкивали их руководящий состав к борьбе против РСФСР и других советских республик.

Что касается чекистов, то они уже в 1918 г. поняли, кто стоит за спиной легионеров. Приведем в подтверждение этого лишь два примера. 2 июля 1918 г. газета «Известия ВЦИК» опубликовала статью с обзором одной успешной операции ВЧК. Сообщалось, что чекисты получили сведения о неизвестной им ранее подпольной организации, занимающейся вербовкой среди чехословаков и поляков добровольцев в контрреволюционные отряды. «При этом, – отмечал корреспондент, – имелись точные указания об активном участии в этой организации одной из миссий союзного дипломатического корпуса... Филиальные отделения этой конспиративной организации имелись почти во всех крупных городах Советской республики. По-видимому, вербовка контрреволюционных отрядов происходила по определенному плану и указаниям из центра. Вчера ВЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией стало определено известно, что в 9 часов вечера на Ярославском вокзале приготовлено два вагона для посадки на вербованных добровольцев – чехословацких и польских офицеров. ВЧК при про-

⁸⁰ Еженедельник ВЧК, № 6 от 27 октября 1918 г. – ВЧК уполномочена заявить... 1918. М., 2004. С. 226.

⁸¹ См. статью о Веняве-Длугошовском в Википедии.

⁸² Клементьев В.Ф. В большевистской Москве (1918–1920). М., 1998. С. 230.

⁸³ Электронный ресурс: https://pl.wikipedia.org/wiki/Boles%C5%82aw_Wieniawa-D%C5%82ugoszowski.

верке сведений на месте обнаружила два вагона в составе поезда, отправляющегося на Вологду, специально предназначенных для добровольцев, которые официально назывались солдатами французской армии... Когда погрузка людей кончилась, ВЧК... отцепила вагоны и арестовала всех находящихся там лиц. При них были найдены бумаги, выданные французской миссией... Когда сотрудники ВЧК начали допрашивать арестованных о направлении и цели их пути, то эти мнимые французы оказались почти ни слова не понимающими по-французски. Арестовано 45 человек, главным образом офицеров. Из дальнейших допросов выяснилось, что вербовкой непосредственно занималась французская миссия, причем все дело было сосредоточено в руках секретаря этой миссии поляка Юльского. Во главе отряда стоял капитан Поппельский»⁸⁴. Второй случай привел в своем выступлении на конференции чрезвычайных комиссий Северной Коммуны делегат от комиссии Мурманской железной дороги Ярославцев. Он рассказал о том, что удалось раскрыть несколько крупных (по меркам местной ЧК) заговоров. Среди них и заговор польских легионеров. По данному делу было арестовано 200 человек⁸⁵.

Следствие по польским легионерам чекисты продолжали до конца 1918 г. Итоговым можно считать одно из сообщений, подготовленное сотрудниками ВЧК для прессы. В газете «Известия ВЦИК» от 4 декабря, в разделе, посвященном деятельности чрезвычайных комиссий, появилась заметка под заголовком «Дело бывших польских легионеров». В ней кратко излагался ход начатого еще в июне следствия, указывались фамилии организаторов переправки военнопленных на север и в Сибирь – видных членов польской партии национальных демократов профессора В. Грабского, ксендза К. Лютославского, а также генерала Галлера. В конце заметки приведено следующее решение руководства советской спецслужбы: «ВЧК, рассмотрев все данные и принимая во внимание, что бывшие легионеры были обмануты своими вождями, постановила всех задержанных из-под стражи освободить, предоставив им возможность возвращения на родину»⁸⁶. Скорее всего, такой вердикт был продиктован необходимостью оказать поддержку Народному комиссариату по иностранным делам РСФСР, предпринимавшему в тот период попытки снять напряженность в советско-польских отношениях.

Через полтора года о делах на польских легионеров посчитал необходимым вновь упомянуть заместитель председателя ВЧК М. Лацис. В своей небольшой книге, увидевшей свет в 1920 г. и предназначавшейся для лекторов и агитаторов, он воспроизвел упомянутые выше сообщения и газетные статьи. При этом для усиления читательского внимания автор снабдил свой материал характерными заголовками типа: «Вербовка польских легионеров на Мурмане», «Польская военная организация»⁸⁷ и т. д. Раздел книги, посвященный операциям, проведенным по полякам, сопоставим по объему с описанными в этом же издании делом британского дипломата Р. Локкарта и операцией по раскрытию подпольной организации Б. Савинкова. Это придает работе по полякам в 1918 г. весомость, подчеркивает одинаковую угрозу данных враждебных проявлений для безопасности страны. Понятно, что книга готовилась уже в 1920 г., возможно, даже после начала советско-польской войны, и была призвана подчеркнуть враждебное отношение к Советской России со стороны Англии, Франции и, конечно же, Польши. Но приведенные в книге факты не являлись вымыслом, они полностью подтверждаются документами, сохранившимися в российских и иностранных архивах.

К 1918 г. относятся и оперативно-следственные мероприятия в отношении двух братьев Лютославских. Они происходили из известной в Польше семьи, проживали в Варшаве и в 1915 г. эвакуировались в Москву ввиду наступления немцев. Как я уже упомянул, один из братьев – Казимеж Францевич Лютославский – являлся членом военного отдела Польского

⁸⁴ Известия ВЦИК, № 135 от 2 июля 1918 г.

⁸⁵ Еженедельник ВЧК. № 6 за 1918 г. – ВЧК уполномочена заявить... С. 255.

⁸⁶ Известия ВЦИК, 4 декабря 1918 г.

⁸⁷ Лацис (Судрабс) М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор. М., 1920. С. 18–19 и 36–38.

совета Междупартийного объединения и по поручению данного органа занимался отправкой польских военнослужащих во Францию при посредничестве ФВМ и под ее контролем. Вторым братом – инженером Марьян (в некоторых документах указано имя Мариан) – состоял в должности уполномоченного Центрального обывательского комитета Царства Польского, но с начала 1918 г. занялся подпольной работой против новой советской власти по указаниям французской военной миссии. Он, так же как Казимеж и Иосиф, занимался нелегальной переправкой бывших польских легионеров на север и на территорию, контролировавшуюся Чехословацким корпусом в Сибири.

Кстати говоря, в Сибири уже летом 1918 г. неким Польским военным комитетом формировалась 5-я польская стрелковая дивизия. Активное участие в ее создании принимали тайно выехавшие из Москвы по поручению ПСМО и при помощи братьев Лютославских бывшие легионеры: капитан Р. Воликовский, майор В. Чума и поручик Э. Доян-Мишевский. Польские воинские части создавались при Чехословацком корпусе по договору с Чехословацким национальным советом, к чему опять же приложил усилия К. Лютославский⁸⁸. Поездка в Сибирь была осуществлена в полном взаимодействии ПСМО с легально действовавшим в Москве еще с начала ноября 1917 г. Верховным польским военным комитетом (ВПВК), конкретно – с его мобилизационным отделом, о деятельности которого ВЧК не имела никакой информации. В середине февраля 1918 г. чекисты арестовали некоторых руководителей ВПВК во главе с подполковником Подгурским, однако не добились от них показаний о тайно проводимых мероприятиях. Удалось лишь выяснить, что ВПВК, скрывая свои истинные цели, участвовал в формировании в Москве Польского резервного полка, впоследствии переименованного в Батальон обороны казначейства польского народа, а затем – в полк имени героя польского восстания под руководством Костюшко Бартоша Гловацкого⁸⁹. Только после ареста Марьяна и Иосифа Лютославских, а также командира полка полковника К.Б. Маевского в ходе следствия по ним чекисты выяснили, что они принимали деятельное участие в формировании контрреволюционных отрядов на основе вышеупомянутого полка им. Бартоша Гловацкого. Как было установлено, Иосиф Лютославский провел 24 марта 1918 г. совещание с главой ФВМ генералом Ж. Лавернем и обсудил план организации и пересылки польских отрядов во Францию и в Сибирь.

Об этих контактах и существовании переговоров чекисты не имели сведений от своих негласных источников. Ведь в первой половине 1918 г. по представительствам союзных войск ВЧК практически не действовала. Да и использование агентуры как системы работы чекисты, включая и самого руководителя ВЧК Ф. Дзержинского, тогда не признавали. Только в мае, после операции по савинковскому «Народному союзу защиты родины и свободы», они смогли констатировать реальную разведывательно-подрывную активность со стороны дипломатических и военных работников Англии и Франции в Советской России.

Иностранные представители не ограничивались только сбором военной, политической и экономической информации. Они поддерживали, а иногда и сами организовывали акции, направленные на низвержение большевистской власти. Кроме заговоров, террористических покушений на известных деятелей РКП(б) и правительства, операций в экономической сфере, они разрабатывали и проводили мероприятия по подрыву авторитета большевиков в народных массах. Наиболее известной операцией является распространение фальшивых документов о сотрудничестве некоторых советских руководителей с немецкой разведкой в деле разрушения российской армии и государственности. Некоторые публицисты и даже историки, как у нас в стране, так и за границей, до сих пор отказываются признать подделками, запущенные в 1917–1918 гг. в оборот «документы». Такие авторы намеренно игнорируют убедительные исследо-

⁸⁸ Ганин А. Последний генштабист. – Родина, № 8, 2010. С. 84.

⁸⁹ Известия ВЦИК, № 89 (353) от 4 мая 1918 г.

вания широко известного американского дипломата и историка Дж. Кеннана⁹⁰ и российского ученого – доктора исторических наук, профессора В.И. Старцева⁹¹. Не вдаваясь в детальное обсуждение их работ, отмечу только то, что имеет отношение к рассматриваемым мною вопросам, а именно к действиям польских подпольщиков в Петрограде и в Москве в 1918 г.

Итак. Историк Старцев однозначно утверждал (и я с ним полностью согласен), что автором фальшивок является писатель и журналист, поляк по национальности Фердинанд Оссендовский⁹². Мне этот персонаж впервые встретился еще в 1990-е гг., когда я готовил монографию по истории отечественной контрразведки⁹³. Оказалось, что Оссендовский, будучи журналистом (пишущим под псевдонимом «Мзура») и помощником редактора газеты «Вечернее время», начиная с 1916 г. не раз обращался в военные и военно-морские органы царской контрразведки с предложениями передать якобы имевшиеся у него материалы о немецком шпионаже в Российской империи⁹⁴. Однако в контрразведывательных учреждениях не спешили брать сведения журналиста за основу расследований, поскольку они не указывали на первоисточник. Скорее это были некие размышления Оссендовского, основанные на открытой и всем доступной информации, а также и на разного рода слухах.

После падения царского режима «Мзура» вновь и вновь бомбардирует своими предложениями теперь уже контрразведку Временного правительства. В итоге он добился приема в отделе генерал-квартирмейстера Генштаба у полковника М.Ф. Раевского, отвечавшего за организацию курсов контрразведки. С Оссендовским заключили контракт, и он стал читать курс лекций под общим названием «Противодействие торговому шпионажу»⁹⁵. Чтобы поднять свою значимость, лектор неоднократно упоминал о том, что немецкая разведка вынесла ему смертный приговор за вскрытие ее агентурной работы в России⁹⁶. В общем, приврать он был мастер и делал это вдохновенно, умело превращая ложь в подобие правды.

После Октябрьской революции Оссендовский, являясь откровенным противником новой власти, установил контакт с французской разведкой, а конкретно с резидентом 2-го Бюро Генштаба Франции капитаном П. Лораном, через своего коллегу по работе в газете «Вечернее время» Е.П. Семенова-Когана. Французский разведчик специализировался на фальсификации документов, якобы доказывающих связь большевиков с немецкими разведслужбами⁹⁷. Именно ему и продал Оссендовский несколько изготовленных фальсификатов, которые стали известны в исторической литературе как «документы Сиссона». В одном из своих писем друзьям Е. Семенов указывает следующее: «Я представил г. Н некоторым союзным посольствам, которым он передал списки нескольких тысяч названий фирм и имен агентов, работавших на Германский Главный штаб в России, Финляндии, Польше (выделено мной. – А.З.) и за границей. Я эти списки передал в феврале 1918 г. Сиссону для правительства Сев. Ам. Соед. Штатов»⁹⁸.

Далее вполне уместно процитировать исследователя деятельности Оссендовского как фальсификатора – историка Виталия Ивановича Старцева. Вот, что он пишет относительно польской темы в «разоблачительных документах»: «Сложными были взаимоотношения с поляками. Временное правительство торжественно пообещало, что после победы над Германией будет воссоздано сильное независимое польское государство из всех его трех частей. Было

⁹⁰ Kennan G.F. The Sisson Documents. – The Journal of Modern History. Vol. 28. 1956, June.

⁹¹ Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.

⁹² В некоторых изданиях Ф. Оссендовского именуют Фердинандом Антонием или Антоном Мартыновичем.

⁹³ Зданович А.А. Отечественная контрразведка. 1914–1920.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 88. Л. 12-12об.

⁹⁵ Там же. Д. 18. Л. 27.

⁹⁶ Там же. Л. 25об.

⁹⁷ Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде по французским и российским архивным источникам. М., 2010. С. 14.

⁹⁸ Старцев В.И. Указ. соч. С. 33.

разрешено формирование польских частей, возникли десятки польских общественных организаций разных направлений, продолжал действовать созданный еще царским правительством Ликвидационный комитет по делам Царства Польского. Большевики постепенно стали закрывать все эти организации, сосредоточив управление польскими делами в своем специальном комиссариате. Это вызвало недовольство большинства несоциалистической польской общественности в Петрограде и по всей стране. Как тогда понимали поляки, Советская Россия, ищущая мира с фактическим победителем в войне, не будет бороться за интересы возрождения Польши и намерена уступить ее Германии. Поэтому количество врагов большевиков среди поляков резко увеличилось. Русские поляки посчитали, что их надежды теперь связаны только с союзниками. Если они выиграют войну, Польша будет независимой, если нет – стонать полякам под германским и австрийским сапогом. Если же удалось бы подтолкнуть союзников к свержению большевистского правительства или оказанию эффективного давления на него, то Россия еще смогла бы сыграть какую-то роль в достижении польской независимости. Так, кроме многолетней ненависти к немцам и только что родившейся ненависти к большевикам, А.М. Оссендовского толкал к изобретению новых „документов“ для союзников и священный польский национальный эгоизм»⁹⁹. Таким образом стала появляться в фальсификатах, посвященных брест-литовским переговорам, польская проблематика.

Теперь подошло время возвратиться к аресту чекистами 23 апреля 1918 г. братьев Лютославских. Статья (а не краткое сообщение) об этом была напечатана в центральной правительственной газете «Известия ВЦИК» 4 мая, когда сотрудники ВЧК посчитали возможным довести до сведения общественности некоторые результаты следствия. Заголовок статьи указывал на сущность обвинения, предъявленного братьям, – «Фабрикация провокационных документов»¹⁰⁰. Корреспондент писал, что при обыске на квартире у Марьяна Лютославского были найдены документы, предназначенные для передачи иностранным миссиям. «Содержание их таково, – указывает автор статьи, – чтобы скомпрометировать власть Рабоче-Крестьянского правительства в глазах народов». Братья отказались сообщить следователям, откуда они взяли эти документы, но признали своими записи, поясняющие изъятые материалы, а также то, что они изготовили несколько копий фальшивки с целью распространения в кругах польской общественности. В одном из «документов» говорилось, что представители русского и германского командований еще до заключения мира подписали 22 декабря 1917 г. тайное соглашение по польскому вопросу, согласно которому польский народ отдается во власть немцев. И за это якобы большевистские лидеры получили огромные деньги. В тексте «соглашения» предусматривалось лишение поляков-военнопленных продовольственных пайков и перевозка их тайным способом на работы в Германию. Последнее как нельзя лучше подходило для соответствующей обработки легионеров.

Подготовленная Оссендовским фальшивка сохранилась в Национальном архиве США, где с ее текстом ознакомился российский историк Старцев. В «документе» говорилось о том, что совещание представителей Германии и большевистской России пришло к следующему заключению: «Польская политика направляется германским правительством. Русское правительство не вмешивается в польские внутренние дела и поэтому не имеет права защищать или выступать против: 1) отделения нефтяного и металлургического бассейна в Домброве, который аннексируется Германией; 2) ограничения права лиц польского происхождения заниматься нефтяной промышленностью в Галиции; 3) против отделения и административного устройства Холмской губернии; 4) согласованной внутренней политики Германии, Австро-Венгрии, Украины, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, касающейся Польши; 5) против экономической политики Германии и Австро-Венгрии в Познанской губернии и Галиции и в польских рай-

⁹⁹ Там же. С. 70.

¹⁰⁰ Известия ВЦИК, № 89 (353) от 4 мая 1918 г.

онах, аннексируемых Германией от России»¹⁰¹. Как представлялось автору фальшивки, союзники просто обязаны были возмутиться действиями советских руководителей, предпринять против них жесткие меры и одновременно сделать все для возбуждения поляков против новой власти в России, подталкивая их к борьбе за свои «ущемленные» права.

В пояснительной записке к фальшивке, подготовленной неизвестным автором, говорилось: «Нужно добавить, что по крайней мере два местных поляка были арестованы по случаю этих документов и обвинены, среди прочего, в их подделке»¹⁰². Нет сомнения, что этими людьми были братья Лютославские – Марьян и Иосиф. Они, по всей видимости, путем распространения фальшивых документов намеревались побудить сомневавшихся военнослужащих-поляков к вступлению в формировавшиеся части и выезду на север либо в Сибирь для участия в борьбе с большевиками.

Материалы уголовного дела позволяют подтвердить мой вывод относительно намерения Лютославских распространить именно фальшивки Оссендовского. Обнаруженные профессором Старцевым в американских архивах «документы» этого фальсификатора, касающиеся польской проблематики, текстуально совпадают с теми, что сохранились в деле братьев Лютославских¹⁰³. Как выяснилось в ходе следствия, эти «документы» Марьян Лютославский привез ориентировочно 19–20 апреля 1918 г. из Петрограда, что совпадает по времени и месту нахождения Оссендовского перед бегством в Сибирь.

Судебный процесс над Лютославскими должен был состояться в Москве в начале осени 1918 г. По непонятным до сего времени причинам ВЧК передала все материалы дела в Ревтрибунал, где расследование взяла в свои руки заведующая следственной частью Е. Розмирович. В собственноручно написанной биографии она не указывает на получение какого-либо образования кроме женской гимназии. Впрочем, в первые годы советской власти для занятия должности в судебных органах, таких как трибуналы, не требовалась юридическая подготовка. Однако отсутствие такой квалификации напрямую влияло на качество расследований. Вот и в случае с братьями Лютославскими мы видим поверхностность в доказывании деяний, ими совершенных. Защищавший братьев в ходе трибунальского следствия адвокат С. Кобяков в воспоминаниях подробно описывает, используя, конечно же, лишь свою аргументацию, успешное опровержение участия подсудимых в распространении фальшивок Оссендовского. Это же касается и связей с командованием польского полка. Защитник опроверг наличие каких-либо антиправительственных мотивов у Лютославских в деле формирования данной воинской части и частичном финансировании ее офицеров. Сам факт пополнения личного состава полка вновь прибывавшими в Москву военнослужащими, включая и бывших военнопленных, он объяснил личным одобрением этих действий со стороны наркома по военным делам Л. Троцкого. Вызвать же на заседание трибунала «вождя» Красной армии для дачи пояснений Розмирович не решилась¹⁰⁴. Так могло дойти и до оправдания подсудимых или, в худшем случае, до приговора к содержанию в концлагере до конца Гражданской войны, как это часто применялось при формулировании окончательного решения трибунала. Однако 5 сентября 1918 г. в связи с покушением на В.И. Ленина был объявлен декрет Совнаркома о «красном терроре», и на его основании в этот же день Лютославские вместе с несколькими царскими министрами были расстреляны¹⁰⁵.

Подытоживая сказанное выше, можно утверждать следующее.

¹⁰¹ Старцев В.И. Указ. соч. С. 163.

¹⁰² Там же. С. 165.

¹⁰³ ЦА ФСБ РФ. АУД. Р-42054. Т. 1. Л. 17–19.

¹⁰⁴ Кобяков С. Красный суд. Впечатления защитника в революционных трибуналах. – Архив русской революции. М., 1991. Т. 7. С. 272.

¹⁰⁵ В газетных сообщениях ошибочно указывалось, что среди расстрелянных были некие Любомирские. На самом деле расстреляли братьев Лютославских.

1) Впервые с польской проблематикой ВЧК столкнулась уже в самом начале 1918 г., когда 1-й польский корпус во главе с генералом Довбор-Мусницким выступил против новой власти. Некоторые политики и общественные деятели польской национальности, проживавшие в Советской России, пытались организовать пополнение корпуса. Происходило это путем направления в район его оперирования соплеменников из числа бывших военнослужащих разваливавшейся русской армии, а также военнопленных.

2) ВЧК и военная контрразведка не располагали в это время какими-либо оперативными возможностями в польских кругах. Метод агентурного проникновения в интересующую среду еще не стал основным в работе советских спецслужб.

3) В этих условиях польские политики могли беспрепятственно создавать на территории РСФСР неподконтрольные властям организации для решения некоторых задач по подготовке к образованию независимого польского государства. Несмотря на разницу в подходах к достижению цели у ряда политических и общественных деятелей, все они сходились в одном – необходимости создания воинских частей как некоего ядра будущей армии. Эта деятельность маскировалась под формирование сил для отпора германским войскам.

4) Реализации тайных планов помогала французская военная миссия. От нее шли финансовые средства, а также указания и конкретная помощь в организации переправки поляков-военнослужащих и бывших военнопленных на север и в Сибирь. Там предполагалось создать антибольшевистские силы, подконтрольные союзникам – будущим интервентам.

5) Одним из эффективных способов убедить польских солдат и офицеров в необходимости сопротивления советской власти считалось распространение фальшивых документов, содержащих информацию о состоявшихся тайных договоренностях между большевистскими лидерами и германским командованием. Предмет этих договоренностей – недопущение полной независимости Польши, взятие под контроль ее экономики и финансов, ущемление прав польского народа. Изготовителем фальсификатов являлся журналист польского происхождения Оссендовский, а размножением и распространением их занялись видные политики-конспираторы братья Лютославские.

6) Предпринятые органами ВЧК в апреле – июле 1918 г. мероприятия, включая и арест Лютославских, позволили сорвать планы французской военной миссии и польских националистов.

Борьба спецслужб в условиях советско-польской войны

1. Оперативная обстановка на границе Польши и советских республик

Возникновение советско-польского фронта относится к началу 1919 г. За несколько месяцев до этого (в конце 1918 г.) фактически закончилась Первая мировая война, хотя заключение Версальского мирного договора было еще впереди. Центральные державы потерпели поражение, начался процесс крушения двух европейских империй – Германской и Австро-Венгерской. Согласно условиям перемирия, германские власти отказывались от всех положений Брестского договора, что делало его юридически ничтожным. Советское правительство также аннулировало договор, навязанный ему в марте 1918 г. Складывалась принципиально иная геополитическая обстановка. Этим не замедлили воспользоваться польские политические и военные деятели, много лет мечтавшие о создании независимого польского государства. Их чаяния поддержали участники конференции премьер-министров Франции, Великобритании и Италии, состоявшейся 3 июня 1918 г. в Версале. Они решили, что «создание объединенной и независимой Польши с доступом к морю является одним из условий прочного и справедливого мира в Европе»¹⁰⁶. 12 ноября Регентский совет передал Ю. Пилсудскому военную власть и верховное командование польскими вооруженными силами. Кроме того, ему поручалось сформировать общенациональное правительство. Через два дня совет самоликвидировался, передав Пилсудскому всю полноту власти в стране. Два дня потребовалось новому главе страны, чтобы его подчиненные подготовили и, после подписи, разослали дипломатическую ноту, извещавшую мировое сообщество о существовании новой европейской республики – независимого Польского государства¹⁰⁷.

Границы Польши определились далеко не сразу. В первую очередь Пилсудского, его политических сторонников и даже противников волновал вопрос о восточной границе. Влиятельные политические круги, в основном левой социально-политической ориентации, рассчитывали восстановить страну в границах 1772 г., присоединив к этнической Польше территории Белоруссии, Украины и Литвы и создав федеративную буржуазную республику. Естественно, что такая постановка вопроса не устраивала советское правительство. Идея мировой революции владела тогда умами многих высокопоставленных партийных, военных и государственных деятелей в Советской России. Нарастание революционного движения в польских землях способствовало ускорению процесса сближения левых партий бывшего Царства Польского СДК-ПиЛ и ППС-левицы и созданию на их основе во второй половине 1918 г. Коммунистической рабочей партии Польши¹⁰⁸. Для польских властей не было секретом намерение большевиков советизировать Белоруссию, Украину и Литву и построить с ними прочный военно-политический союз. Знали они и о нескрываемых планах части польских коммунистов, находившихся в РСФСР, по установлению «на штыках Красной армии» пролетарской власти в самой Польше. Продвижение частей Красной армии на Запад вслед за уходившими германскими войсками как бы подтверждало начало реализации этого сценария. На этом фоне правительство Польши 12 декабря 1918 г. приняло решение об оккупации территории Литвы, и вскоре его воинские

¹⁰⁶ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. С. 108.

¹⁰⁷ Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 110.

¹⁰⁸ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 121.

контингенты заняли Вильно¹⁰⁹. Однако 5 января подразделения Красной армии освободили город. Виленский конфликт явился первым крупным столкновением советских войск с польскими легионерами.

Как в Москве, так и в Варшаве отдавали себе отчет в том, что обстановка имеет тенденцию к обострению, но продолжали действовать, исходя из своих геополитических интересов. В конце 1918 – начале 1919 г. ведомства иностранных дел противостоявших государств регулярно направляли дипломатические ноты с обвинениями друг друга в вероломстве и призывами урегулировать отношения на неприемлемых для противоположной стороны условиях¹¹⁰. Одновременно с этим и Советская Россия, и Польша неоднократно обращали внимание правительств крупных европейских государств на неправомерные действия соседа. Однако ни ноты НКВД РСФСР и МИД Польши, ни апелляции к европейским арбитрам результатов не принесли. Все указывало на предстоявшее в недалеком будущем масштабное военное столкновение, путь к которому открывали принятые на международном уровне половинчатые решения по итогам Первой мировой войны, в первую очередь относительно установления новых границ в Европе.

При самой активной поддержке Москвы 1 января 1919 г. была провозглашена Белорусская ССР, а через несколько дней съезд Советов БССР высказался за федерацию с РСФСР. В конце февраля на политической карте появилось новое государственное образование – Литовско-Белорусская ССР со столицей в Вильно¹¹¹. Таким образом, Советская Россия опередила западного соседа в реализации своих стратегических планов.

Согласно указанию главкома Красной армии и соответствующему приказу от 12 февраля создавался Западный фронт, в состав которого вошли 7-я армия, армия Латвии и Западная армия¹¹². Здесь следует обратить внимание на немаловажный с точки зрения обострения обстановки факт – еще в августе 1918 г. (то есть за несколько месяцев до образования независимой Польши) первоначально в Москве, а позднее в Смоленске и Минске началось формирование Западной пехотной дивизии¹¹³. Интересно то, что, согласно постановлению Реввоенсовета Республики от 21 октября, этой дивизии не присваивался очередной номер, как всем другим вновь создававшимся дивизиям. Объяснений этому не давалось, но особенность Западной дивизии видна из текста 2-го пункта указанного решения РВСР: «Западную дивизию формировать исключительно из контингента желающих польских, литовских и белорусских уроженцев-беженцев»¹¹⁴. Сверх того, в дивизию разрешался перевод военнослужащих данных национальностей из других частей Красной армии¹¹⁵. В конце декабря 1918 г. РВСР принял меры к усилению дивизии. В частности, в ее состав полностью передавался в срочном порядке Люблинский полк с воюющего (скорее всего Южного) фронта. В отличие от других дивизий для руководства Западной был создан Реввоенсовет, что указывало на ее значимость. Таким образом, мы видим первый в Советской России пример создания соединения на национальной основе. Как основная ударная сила именно эта дивизия постепенно продвигалась в Белоруссии и Литве «на хвосте» уходивших немецких войск, что вызывало протесты с польской стороны.

В середине января 1919 г. Центральный исполнительный комитет групп Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) в России предписал всем местным группам создавать польские бюро по набору в Красную армию. Такие бюро стали функционировать в городах,

¹⁰⁹ Зуев М.Н., Ионов В.В., Симонова Т.М. Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. М., 2006. С. 39.

¹¹⁰ Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях с 1918 по 1920 г. М., 1920. С. 29–31.

¹¹¹ Мельтюхов М. Советско-польские войны. М., 2004. С. 29.

¹¹² Директивы Командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. документов в 4-х томах. Т. 4. М., 1978. С. 361.

¹¹³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 488.

¹¹⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919. Сборник документов. М., 1997. С. 87.

¹¹⁵ Там же. С. 88.

где проживало много поляков – Астрахани, Брянске, Вильно, Воронеже, Кременчуге, Лиде, Минске, Москве, Нижнем Новгороде, Орле, Петрограде, Саратове, Смоленске, Туле и даже в некоторых районных центрах¹¹⁶. Примерно в это же время ЦИК КРПП направил докладную записку в Реввоенсовет Республики с предложением создания на базе Западной стрелковой дивизии польской армейской группы, личный состав которой предлагалось укомплектовать по преимуществу военными-поляками¹¹⁷.

Из сказанного выше вполне понятно, что этой армейской группе членами РВС (коммунистами-леваками польской национальности) отводилась основная роль в предстоявших столкновениях с армией II Речи Посполитой. Но коль скоро это могло случиться в недалекой перспективе, наряду с укреплением и численным увеличением войск должны были создаваться и структуры, отвечающие за безопасность частей и соединений, за надежность прифронтной тыловой зоны. Ведь на территории Белоруссии и Литвы, где предстояло разворачиваться и действовать армейской группе, да и по всему Западному фронту (не говоря уже об этнической Польше, куда мечтали двинуться коммунисты-леваки, а также некоторые политические и военные деятели в Москве), существовали готовые к подпольной борьбе структуры.

¹¹⁶ ДМИСПО. Т. 2. М., 1964. С. 69–70.

¹¹⁷ Там же. С. 79.

2. Польская разведка и ее агентурная сеть на восточном направлении

Об этих структурах необходимо сказать отдельно, поскольку данный вопрос крайне фрагментарно и поверхностно отражен в отечественной исторической литературе, посвященной советско-польской войне и вообще отношениям двух государств в этот период.

Здесь под подпольными структурами понимаются прежде всего региональные отделы (коменды начельны – КН) и отдельные ячейки Польской организации войсковой (ПОВ), созданной Пилсудским еще в 1914 г. О ней достаточно много написано в Польше, включая и опубликованные воспоминания ее бывших членов. По понятным причинам в этих публикациях не обошлось без предвзятости, преувеличения эффективности деятельности ПОВ и усиления жесткости, с которой ее подавляли чекисты. В СССР основой для схематичного описания работы ПОВ на территории Украины и частично Советской России стали соответствующий фрагмент брошюры М. Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте»¹¹⁸

¹¹⁸ Лацис М. Два года борьбы на внутреннем фронте. С. 36–37.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.